

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Юридический институт
Кафедра международного права

УТВЕРЖДАЮ
Заведующая кафедрой
Т. Ю. Сидорова
подпись инициалы, фамилия
«_____» _____ 2020 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Непосредственное применение норм международного права судами России и
Германии
40.04.01. Юриспруденция
40.04.01.08 Deutsches und Russisches Recht / Немецкое и российское право

Научный
руководитель

подпись, дата

Доцент, к.ю.н.

должность, ученая степень

В.В. Терешкова

инициалы, фамилия

Выпускник

подпись, дата

ЮЮ18-08М, № 161835441

номер группы, зачетной книжки

А.М. Кондратенко

инициалы, фамилия

Профессор кафедры

международного и
европейского права

Рецензент

подпись, дата

УрГЮУ, д.ю.н.

должность, ученая степень

Ю.С. Безбородов

инициалы, фамилия

Красноярск 2020 г.

Аннотация

Магистерская диссертация по теме «Непосредственное применение норм международного права судами России и Германии» содержит 105 страниц текстового документа, 139 использованных источников.

Ключевые слова: соотношение международного и национального права, непосредственное применение норм международного права, самоисполнимые нормы, деятельность национальных судов, Конституционный Суд РФ, Федеральный Конституционный Суд ФРГ.

Цель исследования: анализ и комплексная характеристика процесса непосредственного применения норм международного права национальными судами для выявления актуальных проблем и пробелов, возникающих в процессе применения, с последующей разработкой предложений и рекомендаций по совершенствованию национального законодательства и правоприменительной практики.

Актуальность работы обусловлена необходимостью разработки единого доктринального подхода к теории непосредственного применения и самоисполнимых норм международного права, закрепления на законодательном уровне механизма непосредственного применения норм международного права, достижения единства в судебной практике, повышения квалификации судей.

Результатом настоящего исследования явился анализ теоретических и законодательных основ непосредственного применения норм международного права, анализ правоприменительной практики национальных судов России и Германии. Установлены пробелы правового регулирования института непосредственного применения и разработаны рекомендации судебным и законодательным органам по их устранению.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. Применение норм международного права национальными судами – теоретический аспект	9
§ 1. Доктринальный подход к взаимодействию международного и национального права.....	9
§ 2. Условия непосредственного применения норм международного права	17
§ 3. Тенденции непосредственного применения норм международного права.....	27
Глава 2. Правовые основы непосредственного применения норм международного права национальными судами	35
§ 1. Государственный суверенитет и доктрина <i>margin of appreciation</i> в контексте непосредственного применения норм международного права ...	35
§ 2. Законодательные основы непосредственного применения	46
Глава 3. Судебные аспекты непосредственного применения норм международного права национальными судами России и Германии	57
§ 1. Международно-правовые нормы как аргумент при принятии судебного решения.....	57
§ 2. Влияние норм международного права на процессуальные аспекты	70
§ 3. Роль конституционных судов в обеспечении единообразной практики применения норм международного права	77
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	83
Список использованных источников	88

ВВЕДЕНИЕ

Applicatio est vita regulae.

Применение есть жизнь закона.

Международное право и национальное право взаимосвязаны и взаимозависимы. Наиболее отчетливо эта взаимосвязь проявляется в процессе применения норм международного права национальными судебными и иными правоприменительными органами.

Принцип взаимодействия международного и национального права закреплен на конституционном уровне в большинстве стран, включая Россию и Германию: в части 4 статьи 15 Конституции РФ, части 3 статьи 20, статье 25 и статье 59 Основного закона ФРГ. Конституционное положение дает возможность государственным органам, в первую очередь судам, применять международные нормы при рассмотрении споров и аргументировании решений.

Исполняя обязанность по непосредственному применению, именно национальные судебные органы воплощают нормы международного права в жизнь. Тем самым национальное право определяет степень эффективности международно-правового регулирования, а международное право, в свою очередь, характеризует уровень развитости национальной правовой системы.

Теоретическая и практическая актуальность настоящего исследования подтверждается следующим.

В доктрине нет единства взглядов относительно непосредственного применения: его признаков, условий и форм. Национальные суды, играющие центральную роль в данном процессе, получают дополнительную нагрузку, обращаясь к нормам международного права. Они нуждаются в едином механизме применения норм международного права при рассмотрении конкретных споров, в закреплении на законодательном уровне условий непосредственного действия норм международного права в национальной

правовой системе и признаков самоисполнимой международной нормы. Современное право не может ограничиться лишь формальным закреплением правил о непосредственном действии международных договоров и о приоритетном применении в случае возникновения коллизий с национальным правом.

Таким образом, несмотря на свою значимость для правоприменительной практики вопрос непосредственного применения остается мало исследованным – как в России, так и в Германии.

Объектом настоящего исследования выступают отношения, складывающиеся в процессе взаимодействия норм международного и национального права и применения норм международного права судами России и Германии.

Предмет исследования составляют российские и немецкие доктринальные подходы к непосредственному применению, нормы международного права, нормы национального права России и Германии, порядок применения судами норм международного права, а также судебная практика, сложившаяся в сфере применения.

Целью исследования является анализ и комплексная характеристика процесса непосредственного применения норм международного права национальными судами для выявления актуальных проблем и пробелов, возникающих в процессе применения, с последующей разработкой предложений и рекомендаций по совершенствованию национального законодательства и правоприменительной практики.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

1. Изучить российскую и немецкую доктрину о взаимодействии норм международного и национального права;

2. Рассмотреть подходы российских и немецких ученых к условиям и формам непосредственного применения;
3. Исследовать законодательные основы непосредственного применения норм международного права в России и Германии и их особенности;
4. Изучить доктрину *margin of appreciation* и концепцию государственного суверенитета в контексте непосредственного применения;
5. Провести анализ практики применения норм международного права российскими и немецкими судами;
6. Изучить функции конституционных судов в процессе формирования единообразной практики применения норм международного права;
7. Определить тенденции непосредственного применения норм международного права;
8. Сформулировать практические рекомендации для судей по непосредственному применению норм международного права.

Эмпирическую базу исследования составили нормы российского и немецкого законодательства, монографии учёных, научные статьи, международные нормативные правовые акты, материалы практики российских и немецких судов общей юрисдикции, Конституционного суда РФ и Федерального конституционного суда ФРГ.

Значительный вклад в исследование непосредственного применения норм международного права внесли как отечественные ученые – Г. В. Игнатенко, С. Ю. Марочкин, В. В. Терешкова, О. И. Тиунов, И. И. Карандашов, Б. И. Осминин и др., так и зарубежные ученые – Г. Букс, Х. Г. Дедерер, Х. Зауер, Ф. Шоркопф, М. Вилл и др.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частно-научные методы. Для работы с доктриной применялись общенаучные методы: исторический, системного анализа изучаемых явлений и синтеза полученных результатов, индуктивного и дедуктивного умозаключений. Для работы с законодательными основами и судебной практикой применялись частнонаучные методы: нормативно-правовой, сравнительно-правовой, статистический, формально-логический метод. В основе процесса определения тенденций непосредственного применения и разработки рекомендаций судебным органам лежит метод моделирования и прогнозирования.

Попытка комплексного исследования теоретических, законодательных и практических основ непосредственного применения в двух странах определяет научную новизну настоящего исследования. Анализ теоретических и практических материалов проводится не только с целью сравнения двух правовых систем, но и с целью разработки рекомендаций для отечественной теории международного права, для практики правоприменительных органов. Решения судов анализируются на вопрос применения норм международного права в качестве аргумента и правового основания решения, а также на вопрос оказываемого влияния международного права на сам процесс рассмотрения дел в судах.

Структура работы обусловлена предметом, целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения.

Во введении объясняются актуальность, теоретическая и практическая значимость работы, определяются степень научной разработанности темы, объект, предмет, цель, задачи и методы исследования.

В первой главе рассматриваются теоретические аспекты непосредственного применения: порядок взаимодействия международного и

национального права, условия и формы непосредственного применения; определяются тенденции непосредственного применения.

Вторая глава посвящена законодательным основам непосредственного применения, исследованию концепции государственного суверенитета и доктрины *margin of appreciation* и их влиянию на процесс применения норм международного права.

В третьей главе проводится подробный анализ судебных решений российских и немецких судов, формулируются рекомендации судам по применению норм международного права, определяется роль конституционных судов в обеспечении единообразной практики применения.

В заключении подводятся итоги исследования, формируются выводы по рассматриваемой теме.

Глава 1. Применение норм международного права национальными судами – теоретический аспект

§ 1. Доктринальный подход к взаимодействию международного и национального права

Для науки международного права XXI века характерно то, что доктринальные споры о соотношении международного и национального права отходят на второй план. В доктрине все больше внимания уделяется практическим аспектам взаимодействия международного и национального права: непосредственному действию международного права в национальной правовой системе, возможности и формам непосредственного применения норм международного права, пределам действия международного права, а также компетенции внутригосударственных органов по обозначению таких пределов.

Современные исследования по вопросу взаимодействия международного и национального права базируются на монистической (Г. Кельзен) и дуалистической (Х. Трипель) теориях, сформировавшихся еще в начале XX века. Свое развитие монизм и дуализм получили в теориях сдержанного дуализма (Ч. Хайд) и умеренного монизма (А. Фердросс), диалектической концепции (Г. Зейдель)¹. Проблема юридической природы действия норм международного права в национальной правовой системе стала центральной для теории трансформации (Е. Т. Усенко, С. В. Черниченко), теории непосредственного действия (Н. В. Миронов, Г. В. Игнатенко, В. В. Терешкова), а также для зародившейся в немецкой доктрине концепции правового плюрализма (Ф. Шоркопф)².

При всем многообразии теорий важно понимать, что строгое разделение на монизм и дуализм носит абстрактный характер, и, как

¹ Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации: монография / С. Ю. Марочкин – Москва: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://new.znanium.com/catalog/product/995356>. С. 43.

² Schorkopf F. Staatsrecht der internationalen Beziehungen, in: München, C.H. Beck, 2017. S. 21–22.

справедливо замечает Х. Зауер, не дает конкретного ответа на вопрос о взаимосвязи двух правопорядков³. Еще в 1984 году К. Штерн писал, что для практики данные теории не имеют большого значения, поскольку «их выводы, по сути, согласуются друг с другом»⁴.

М. Уилл делает важное замечание о том, что в одном и том же государстве в разное время может доминировать одна или другая теория. Это зависит от концепции государственного суверенитета, а также от конституционного устройства государства в конкретный период времени⁵. Автор разделяет данную точку зрения. Приверженность государства к одной из теорий не является константой.

В российской доктрине строгое разделение на теории также подвергается справедливой критике. С. Ю. Марочкин проводит подробный анализ идей теории трансформации и теории непосредственного применения и приходит к выводу, что конфронтация между этими теориями относительна, а «недопонимание друг друга» объясняется неоднозначным толкованием основополагающих понятий⁶. С. А. Егоров отмечает важность для практики, прежде всего, возможности правоприменительных органов при решении конкретного дела «сослаться непосредственно на международный договор или международный обычай»⁷. Об этом же пишет В. В. Терешкова: «Важным является вопрос не о верховенстве международного или внутригосударственного права. Главное внимание [...] должно быть обращено на порядок их взаимодействия. Взаимодействие должно быть

³ Sauer H. Staatsrecht III, in: München, C.H. Beck, 4. Aufl. 2016. S. 86.

⁴ Stern K. Das Staatsrecht der Bundesrepublik Deutschland Band I, 2. Aufl. 1984. S. 479.

⁵ Will M., Völkerrecht und nationales Recht, in: Juristische Ausbildung 2015 (11). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.juraexamen.info/wp-content/uploads/jura-2015-1164.pdf>. S. 1175.

⁶ Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации: монография / С. Ю. Марочкин – Москва: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://new.znaniium.com/catalog/product/995356>. С. 51–55.

⁷ Егоров С.А. Международное право: Учебник / Отв. Ред. д.ю.н., проф. С. А. Егоров. – М.: Статут, 2016. С. 49.

таким, чтобы обеспечить оптимальное функционирование обеих правовых систем»⁸.

Тесное взаимодействие между нормами международного и национального права не отрицается в доктрине. Более того, такое взаимодействие приобретает особое значение⁹ и оценивается как «высший уровень» развития правовых систем¹⁰. Отмечается также, что взаимодействие является «нормальным состоянием» и необходимым условием выполнения международных договоров и договорных предписаний¹¹.

Мы разделяем позицию С. Ю. Марочкина, что международное и национальное право имеют общую основу и правовую природу, общие категории и принципы права¹². В силу своей общности они взаимодействуют на всех стадиях существования, включая правосознание и организационно-правовые механизмы¹³. Помимо этого, международное право непосредственно затрагивает права и интересы физических и юридических лиц внутри государства¹⁴.

Нормы международного права могут выступать образцом, примером для норм национального права и для правового регулирования внутри государства¹⁵. Так, Председатель КС РФ В. Д. Зорькин пишет, что «в практике Конституционного Суда РФ с самого начала утвердился подход,

⁸ Терешкова В.В. Применение норм международного права в судебной системе Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / В. В. Терешкова. – Екатеринбург, 1998. С. 21.

⁹ Лукашук И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/comm/5303>.

¹⁰ Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации: монография / С. Ю. Марочкин – Москва: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://new.znaniium.com/catalog/product/995356>. С. 36.

¹¹ Игнатенко Г.В., Тиунов О.И. Международное право: Учебник для вузов / Отв. ред. проф. Г. В. Игнатенко и проф. О. И. Тиунов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма. – 2005. С. 150.

¹² Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации: монография / С. Ю. Марочкин – Москва: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://new.znaniium.com/catalog/product/995356>. С. 36–37.

¹³ И. И. Карандашов, И. И. Лукашук, В. В. Терешкова, С. Ю. Марочкин.

¹⁴ Терешкова В.В. Применение норм международного права в судебной системе Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / В. В. Терешкова. – Екатеринбург, 1998. С. 22–23.

¹⁵ Лукашук И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/comm/5303>.

когда общепризнанные принципы и нормы международного права используются в качестве эталона»¹⁶.

Кроме того, взаимодействие международного и национального права проявляется во взаимной зависимости двух систем. Чем развитее национальное право, тем больше оно нуждается во взаимодействии с международным правом¹⁷. С другой стороны, именно национальное право определяет механизм взаимодействия с нормами международного права, механизм их исполнения и возможность непосредственного применения¹⁸. К тому же, эффективность норм международного права зависит «не только от реализации в сфере международных отношений, но и от осуществления указанных норм в сфере отношений с участием субъектов национального права»¹⁹, т.е. во внутригосударственной сфере. К такому выводу приходит и В. В. Терешкова²⁰.

По мнению автора, эффективная реализация норм международного права во многом зависит от деятельности национальных судов. Конституционные суды определяют основные направления применения норм международного права и обеспечивают их единое толкование национальными судами. Важная роль национальных правоприменительных органов в обеспечении функционирования международного и национального права отмечается и в литературе²¹.

Отметим, что для немецкой юридической доктрины характерны схожие выводы и взгляды. Так, Г. Пападимитриу еще в 1972 году писал, что

¹⁶ Зорькин В.Д. Конституционный Суд России в европейском правовом поле / В. Д. Зорькин // Журнал российского права. – 2005. – № 3. С. 6.

¹⁷ Лукашук И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/comm/5303>.

¹⁸ Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации: монография / С. Ю. Марочкин – Москва: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://new.znaniium.com/catalog/product/995356>. С. 121.

¹⁹ Казаков Р.В. Национальное и международное право: проблемы взаимодействия / Р. В. Казаков // Вестник Екатеринбургского института. – 2016. – № 4 (36). С. 98.

²⁰ Терешкова В.В. Применение норм международного права в судебной системе Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / В. В. Терешкова. – Екатеринбург, 1998. С. 22.

²¹ В. В. Терешкова, С. Ю. Марочкин, И. И. Карандашов, Р. В. Казаков.

международное и национальное право дополняют друг друга и связаны между собой внутренним единством. При этом чем интенсивнее развиваются отношения между государствами, тем сильнее и динамичнее становится взаимосвязь и взаимное влияние международного и национального права друг на друга. Это относится как к правовому, так и экономическому, политическому и культурному уровням²².

С. Талмон отмечает, что когда речь заходит о взаимодействии международного и национального права, первое, что приходит на ум, это принцип приверженности Основного закона международному праву (*Völkerrechtsfreundlichkeit des Grundgesetzes*)²³. Представляется необходимым подробно его рассмотреть.

Тенденции приверженности национального права международному праву были отмечены в Германии уже во второй половине XX столетия. К. Штерн писал, что ни одна предыдущая конституция Германии не была настолько ориентирована на нормы международного права как Основной Закон ФРГ 1949 года²⁴. Это объясняется необходимостью закрепления демократических и правовых основ для возрождения Германии «в качестве достойного члена сообщества государств после падения Третьего Рейха»²⁵.

Зародившись в качестве аргументационной конструкции, принцип приверженности международному праву на сегодняшний момент развивается как «неписанный конституционный принцип»²⁶. Его существование подтверждается доктриной и практикой судов.

В решениях ФКС ФРГ довольно часто можно встретить ссылки на данный принцип. Приведем пример из решения по делу Гёргиюлю (2004):

²² Papadimitriou G. Die Stellung der allgemeinen Regeln des Völkerrechts im innerstaatlichen Recht, in: Berlin, Duncker & Humblot, 1972. S. 18, 108.

²³ Talmon S. Die Grenzen der Anwendung des Völkerrechts im deutschen Recht, in: JZ 1/2013. S. 12.

²⁴ Stern K. Das Staatsrecht der Bundesrepublik Deutschland Band I, 2. Aufl. 1984. S. 474.

²⁵ Herdogen M. Völkerrecht, § 22. Verhältnis von Völkerrecht und innerstaatlichem Recht. 17. Aufl. 2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ebibliothek.beck.de>. Rn. 8.

²⁶ Schorkopf F. Staatsrecht der internationalen Beziehungen, in: München, C.H. Beck, 2017. S. 26.

«Основной Закон ставит целью всеобъемлющую приверженность международному праву, международное сотрудничество и политическую интеграцию в постепенно развивающееся международное сообщество демократических правовых государств»²⁷.

Принцип приверженности международному праву имеет конкретные правовые последствия, среди которых обязанность всех государственных органов следовать международному праву²⁸ и по возможности не допускать нарушений международных обязательств ФРГ²⁹.

В качестве еще одного правового последствия приверженности международному праву Ф. Шоркопф и М. Хердеген называют обязанность толковать положения Основного закона ФРГ таким образом, чтобы не возникал конфликт между нормами национального права и международными обязательствами ФРГ³⁰ (*далее – международно-правовое толкование*). Отсюда следует возложенная на немецкие судебные органы обязанность при принятии решений учитывать и ориентироваться на практику и правовую позицию международных судов. Помимо этого, у ФКС, выполняющего основную функцию при реализации норм международного права, есть право проверять, как суды общей юрисдикции применяют и толкуют международные договоры³¹.

Международно-правовое толкование норм национального права играет важную роль и помогает избежать нарушений международного права, в особенности в тех случаях, когда непосредственное применение норм

²⁷ BVerfG, Beschluss des Zweiten Senats vom 14. Oktober 2004 – 2 BvR 1481/04. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bverfg.de>. Rn. 36.

²⁸ Schweitzer M., Dederer H.-G. Staatsrecht, Völkerrecht, Europarecht, in: Heidelberg, C.F. Müller, 11. Aufl. 2016. S. 69.

²⁹ Schorkopf F., Staatsrecht der internationalen Beziehungen, in: München, C.H. Beck, 2017. Rn. 55, S. 26.

³⁰ Schorkopf F. Staatsrecht der internationalen Beziehungen, in: München, C.H. Beck, 2017. S. 40. Herdegen M. Völkerrecht, § 22. Verhältnis von Völkerrecht und innerstaatlichem Recht. 17. Aufl. 2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ebibliothek.beck.de>. Rn. 10. BVerfG, Beschluss des Zweiten Senats vom 14. Oktober 2004 – 2 BvR 1481/04. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bverfg.de>. Rn. 33. BVerfG: Deutsche Gesetze dürfen völkerrechtlichen Verträgen widersprechen. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ebibliothek.beck.de>.

³¹ BVerfG, Beschluss des Zweiten Senats vom 14. Oktober 2004 – 2 BvR 1481/04. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bverfg.de>.

международного права невозможно или осложнено³². При возникновении выбора в способах толкования норм национального права ФКС ФРГ рекомендует делать выбор в пользу именно международно-правового толкования³³.

Ещё одним последствием приверженности международному праву является обеспечение возможности применения актов международных органов по отношению к Германии³⁴.

Тем не менее, важно понимать, что приверженность международному праву вовсе не означает «самоотречение конституционного порядка»³⁵ и не приводит к конституционно-правовой обязанности неограниченно следовать международным договорам.

Во-первых, не представляется возможным отказ государства от своего суверенитета. ФКС ФРГ констатирует, что «целям обеспечения приверженности международного права не противоречит, если законодатель в виде исключения не принимает во внимание международное договорное право, поскольку только таким образом можно предотвратить нарушение основополагающих принципов конституции»³⁶. Таким образом, приверженность международному праву проявляется исключительно в рамках системы Основного Закона³⁷.

Во-вторых, приверженность международному праву не отменяет действия принципа *lex posterior* по отношению к международным договорам. В немецкой правовой системе международные договоры имеют ранг простых законов, что подтверждается решением по делу Treaty Override (2015). ФКС

³² Sauer H. Staatsrecht III, in: München, C.H. Beck, 4. Aufl. 2016. S. 108.

³³ BVerfG, Beschluss des Zweiten Senats vom 15. Dezember 2015 – 2 BvL 1/12. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bverfg.de>. Rn. 71. Schorkopf F. Staatsrecht der internationalen Beziehungen, in: München, C.H. Beck, 2017. S. 40.

³⁴ Stern K. Das Staatsrecht der Bundesrepublik Deutschland Band III, 1988. S. 1226.

³⁵ Talmon S. Die Grenzen der Anwendung des Völkerrechts im deutschen Recht, in: JZ 1/2013. S. 15.

³⁶ BVerfG, Beschluss des Zweiten Senats vom 14. Oktober 2004 – 2 BvR 1481/04. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bverfg.de>. Rn. 35.

³⁷ BVerfG, Beschluss des Zweiten Senats vom 14. Oktober 2004 – 2 BvR 1481/04. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bverfg.de>. Rn. 34.

ФРГ приходит к выводу, что международные договоры могут быть изменены более поздним, им противоречащим федеральным законом³⁸.

В-третьих, остаются нормы национального права, которые нельзя толковать в контексте исключительно международного права. В их числе положения, регулирующие деятельность государственных служащих, ст. 33 абз. 5 Основного закона ФРГ. Как постановил Федеральный административный Суд Германии, такие нормы должны толковаться с учетом их исторического развития и именно с точки зрения национального права³⁹.

Несмотря на критику принципа и определенные внутренние ограничения действия нельзя недооценивать его значение для практики применения норм международного права. Во многом благодаря данному принципу создается основа, «благоприятная среда» для эффективного взаимодействия международного и национального права. А за государством и национальным правопорядком в целом закрепляется презумпция открытости международному праву⁴⁰.

Учитывая выше сказанное, представляется необходимым не просто обратить внимание российской доктрины на принцип приверженности международному праву, но и внедрить его в правовую систему РФ. Именно доктрине отводится важная роль – создать прочный фундамент положительного отношения к международному праву. Ориентируясь на доктрину, получив конкретные ответы на вопросы, представители законодательной и правоприменительной практики более не будут воспринимать международное право как нечто инородное и чуждое национальной правовой системе. На наш взгляд, лишь в том государстве, где

³⁸ BVerfG: Deutsche Gesetze dürfen völkerrechtlichen Verträgen widersprechen. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ebibliothek.beck.de>.

³⁹ BVerwGE 149, 177 ff.

⁴⁰ Nußberger A. Das Völkerrecht, in: München, Beck, 2009. S. 37. Talmon S., Die Grenzen der Anwendung des Völkerrechts im deutschen Recht, in: JZ 1/2013. S. 12. Herdegen M. Völkerrecht, § 22. Verhältnis von Völkerrecht und innerstaatlichem Recht. 17. Aufl. 2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ebibliothek.beck.de>. Rn. 8.

созданы благоприятные условия для взаимодействия международного и национального права, в действительности возможно и допустимо непосредственное применение норм международного права национальными судами.

§ 2. Условия непосредственного применения норм международного права

В российской доктрине основоположником теории непосредственного применения является Г. В. Игнатенко, высказавший идею еще в 1985 году.

С тех пор многое изменилось. Во-первых, после принятия Конституции 1993 года у внутригосударственных субъектов, в первую очередь у судов, появилась возможность применять международно-правовые нормы при рассмотрении споров и аргументировании решений – в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Во-вторых, сложилась широкая и устойчивая практика использования и применения норм международного права. Юристы отмечают, что обращение к международным нормам стало привычным делом в судах всех видов и уровней⁴¹. В-третьих, на основе трудов Г. В. Игнатенко сформировалась целая научная школа непосредственного применения, представителями которой являются О. И. Тиунов, Г. М. Даниленко, С. Ю. Марочкин, В. В. Терешкова, И. И. Карандашов и другие.

В литературе подчеркиваются важность и особая роль непосредственного применения для взаимодействия международного и национального права.

Например, Б. И. Осминин к элементам, определяющим порядок взаимодействия национального и международного права, относит способы осуществления международных обязательств, место международных договоров в системе источников национального права, и подходы к решению

⁴¹С. Ю. Марочкин, В. В. Терешкова.

проблемы самоисполнимости, непосредственной применимости⁴². Г. В. Игнатенко и О. И. Тиунов признают применение норм международного права одним из элементов международного правового механизма реализации наряду с правообеспечительным нормотворчеством, толкованием и международным контролем⁴³.

Таким образом, непосредственное применение является одновременно и следствием взаимодействия двух правовых систем, и неотъемлемой частью процесса реализации международного права.

Мы поддерживаем И. И. Лукашука в том, что применение является наиболее активной стадией осуществления международного права⁴⁴, когда происходит основное, прямое воздействие международного права на внутригосударственные отношения. Центральную роль в процессе воплощения норм международного права в практике играют национальные суды, используя нормы международного права для разрешения конкретных ситуаций. В связи с этим мы считаем, что непосредственное применение необходимо рассматривать именно как деятельность национальных судов по разрешению конкретных споров на основе норм международного права.

Анализ доктринальных и практических источников позволил нам вывести так называемую «формулу непосредственного применения». Ее слагаемыми являются условия непосредственного действия и самоисполнимость нормы международного права. Только при наличии этих двух элементов в совокупности национальный суд может непосредственно применить норму международного права.

⁴² Осминин Б.И. Международные договоры в российской правовой системе (к 20-летию Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации») / Б. И. Осминин // Журнал российского права. – 2015. – № 12. С. 126–139.

⁴³ Игнатенко Г.В., Тиунов О.И. Международное право: Учебник для вузов / Отв. ред. проф. Г. В. Игнатенко и проф. О. И. Тиунов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма. – 2005. С. 165–166.

⁴⁴ Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / И. И. Лукашук. Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Академ. правовой ун-т. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005.

Если один из элементов отсутствует, непосредственное применение не представляется возможным. Например, международный договор действует внутри государства непосредственно, потому что для этого национальным и международным правом созданы и соблюдены все необходимые условия. Однако он не содержит в себе норм, отвечающих признакам самоисполнимости. В таком случае международный договор может действовать в национальной правовой системе, оказывать влияние на национальное правосознание, однако суды не смогут применить его для разрешения конкретного спора в качестве обоснования решения.

Так же и с обратной ситуацией, когда норма сама по себе является самоисполнимой, но международный договор не действует внутри государства. Соответственно, у суда нет правового основания для применения нормы международного права, она не является обязательной для конкретного государства.

Рассмотрим подробнее условия непосредственного действия и признаки самоисполнимых норм.

В литературе выделяют общие и специальные условия непосредственного действия⁴⁵. Общие условия характеризуют правовую систему государства в целом и свидетельствуют о том, что прямое действие любых международных договоров допустимо в пределах государства. Специальные условия определяют действие конкретного международного договора в национальной правовой системе⁴⁶. При этом без соблюдения

⁴⁵ Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации: монография / С. Ю. Марочкин – Москва: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://new.znaniium.com/catalog/product/995356>. С. 124–125.

⁴⁶ Карандашов И.И. Непосредственное действие норм международных договоров в правовой системе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.10 / И. И. Карандашов. – Санкт-Петербург, 2013. С. 15.

специальных условий применение норм международного права признается неправомерным⁴⁷.

Общим условием непосредственного действия международного права внутри государства является принцип *pacta sunt servanda*. Благодаря ему в государстве устанавливается режим, максимально способствующий реализации международных обязательств⁴⁸. Также представляется более правильным относить условие общей отсылки внутреннего права к международному праву именно к общим условиям непосредственного действия, а не к специальным, как это предлагает С. Ю. Марочкин. Национальная правовая система должна допускать действие международного права в целом внутри государства, а не только отдельных договоров.

К специальным условиям непосредственного действия относят признание обязательности международного договора или общепризнанного принципа международного права; вступление договора в силу; его официальное опубликование⁴⁹. И. И. Карандашов к специальным условиям также относит самоисполнимость и адресованность субъектам национального права⁵⁰, что, однако, представляется не совсем верным. Данные признаки характеризуют непосредственно норму международного права, которую необходимо оценить на вопрос самоисполнимости, а не договор в целом.

Международно-правовая норма является самоисполнимой, если в договоре содержится общее указание о применимости его норм к

⁴⁷ Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации: монография / С. Ю. Марочкин – Москва: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://new.znaniium.com/catalog/product/995356>. С. 125.

⁴⁸ Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации: монография / С. Ю. Марочкин – Москва: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://new.znaniium.com/catalog/product/995356>. С. 124.

⁴⁹ Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации: монография / С. Ю. Марочкин – Москва: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://new.znaniium.com/catalog/product/995356>. С. 125–148.

⁵⁰ Карандашов И.И. Непосредственное действие норм международных договоров в правовой системе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.10 / И. И. Карандашов. – Санкт-Петербург, 2013. С. 8.

отношениям в сфере национального права; норма адресована физическим, юридическим лицам или органам государства; норма имеет ясный и определенный характер⁵¹.

Таким образом, вопрос о самоисполнимости конкретной нормы должен решаться с учетом ее формулировки, положений договора в целом, а также устройства правовой системы государства, в рамках которой она будет непосредственно применена⁵².

Норма, отвечающая признакам самоисполнимости, не нуждается в издании имплементационного законодательства, она может быть применена во внутригосударственных отношениях непосредственно – на нее «могут опираться физические и юридические лица для защиты своих прав, в том числе в суде»⁵³.

Интересно заметить, что Верховным Судом РФ (далее – ВС РФ) был воспринят разработанный в доктрине механизм непосредственного применения. В пункте 3 Постановления Пленума ВС РФ (2003) перечислены признаки международного договора, подлежащего непосредственному применению. В первую очередь, такой международный договор должен вступить в силу и стать обязательным для Российской Федерации. Следующий признак – его положения не требуют издания внутригосударственных актов для их применения. Для этого в международном договоре не должно содержаться указания на обязанность государства по внесению изменений во внутреннее законодательство. И

⁵¹ Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации: монография / С. Ю. Марочкин – Москва: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://new.znaniium.com/catalog/product/995356>. С. 242–247.

⁵² Карандашов И.И. Непосредственное действие норм международных договоров в правовой системе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.10 / И. И. Карандашов. – Санкт-Петербург, 2013. С. 17.

⁵³ Осминин Б.И. Приоритетное применение международных договоров в национальной правовой системе: условия и последствия / Б. И. Осминин // Журнал российского права. – 2017. – № 12. С. 160–173.

заключительный признак – международный договор способен порождать права и обязанности для субъектов национального права⁵⁴.

Учитывая вышеизложенное, важно понимать, что для того, чтобы суд мог непосредственно применить норму международного права при разрешении конкретного дела, самоисполнимым должен быть не весь договор, а только лишь его норма. В качестве примеров договоров, содержащих самоисполнимые нормы, можно назвать конвенции об избежании двойного налогообложения, договоры о правовой помощи, соглашения о предоставлении социальных гарантий и пенсионном обеспечении и т.п.

Проверив условия непосредственного действия международного договора и признаки самоисполнимой нормы, суду необходимо выбрать, в какой форме осуществить непосредственное применение международной нормы.

Большинство исследователей выделяют три формы непосредственного применения: самостоятельное, совместное и приоритетное⁵⁵. Самостоятельное применение имеет место в исключительных случаях, когда регулирование рассматриваемого вопроса на национальном уровне отсутствует. Совместное применение норм международного и национального права проявляется в ссылке на норму международного права, использовании международного права при толковании правовых категорий или в качестве дополнительной аргументации позиции, основанной на нормах национального права. Приоритетное применение норм международного права осуществляется при возникновении коллизий с национальным правом и прямо закреплено в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ.

⁵⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 (ред. от 05.03.2013) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. П. 3.

⁵⁵ Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов, С. Ю. Марочкин, В. В. Терешкова.

Некоторые авторы признают существование только приоритетного применения норм международного права, последствием которого является замена договорным положением противоречащей нормы национального права⁵⁶. Не представляется возможным поддержать данную точку зрения. Для приоритетного применения необходим конфликт между национальным и международным правом, однако часто суды применяют нормы международного права для повышения уровня аргументированности решения (совместное применение). Встречаются ситуации, когда национальное законодательство не регулирует какой-то вопрос. Например, критерии действительности национальных и международных водительских удостоверений. В данном случае национальные суды обращаются напрямую к положениям международного договора – Конвенции о дорожном движении. Здесь нормы международного права применяются самостоятельно, а противоречия, коллизии между двумя правовыми системами нет. Как справедливо замечает В. В. Терешкова, в РФ заложены юридические основы не только для приоритетного, но и для самостоятельного и совместного применения международных договоров⁵⁷.

В немецкой доктрине исследователи взаимодействия международного и национального права уделяют пристальное внимание вопросу «непосредственной применимости» норм международного права. Ф. Шоркопф отмечает, что акцент с проблематики теорий трансформации, исполнения и адаптации перемещается на то, может ли норма международного права применяться непосредственно внутри государства или же для этого необходима конкретизация со стороны органов законодательной или исполнительной власти⁵⁸.

⁵⁶ Осминин Б.И. Приоритетное применение международных договоров в национальной правовой системе: условия и последствия / Б. И. Осминин // Журнал российского права. – 2017. – № 12. С. 160–173.

⁵⁷ Терешкова В.В. Применение норм международного права в судебной системе Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / В. В. Терешкова. – Екатеринбург, 1998.

⁵⁸ Schorkopf F. Staatsrecht der internationalen Beziehungen, in: München, C.H. Beck, 2017. S. 26.

Под «непосредственной применимостью нормы» в узком смысле понимается предоставленная индивидууму возможность на основании указанной международно-правовой нормы обращаться с жалобой в компетентный орган или подавать иск в суд⁵⁹. Суд становится органом, напрямую осуществляющим нормы международного права. Такую деятельность судов – также как и в российской доктрине – называют новым видом механизма реализации норм международного права⁶⁰.

При этом отмечается, что непосредственная применимость нормы – это вопрос интерпретации самой нормы, ее толкования⁶¹ и на него нельзя ответить с помощью теории трансформации, адаптации или исполнения⁶². Возможность непосредственного применения определенной нормы международного договора в каждом конкретном случае зависит только от ее содержания⁶³.

Норма международного права может быть применена непосредственно, если обладает следующими свойствами: по формулировке, целям и содержанию является конкретной и предоставляет права или содержит обязанности для государственных органов или конкретного лица; для ее применения не требуется издание конкретизирующего акта; норма фактически может оказывать правовое воздействие на внутригосударственную правовую систему⁶⁴. На наш взгляд, «способность

⁵⁹ Herdegen M. *Völkerrecht*, § 22. Verhältnis von Völkerrecht und innerstaatlichem Recht. 17. Aufl. 2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ebibliothek.beck.de>. Rn. 5. Schroeder W. *Grundkurs Europarecht*. 5. Aufl. 2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ebibliothek.beck.de>. Rn. 25.

⁶⁰ Buchs G. Die unmittelbare Anwendbarkeit völkerrechtlicher Vertragsbestimmungen, in: Baden-Baden, Nomos-Verl.-Ges., 1. Aufl. 1993. S. 37.

⁶¹ Schroeder W. *Grundkurs Europarecht*. 5. Aufl. 2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ebibliothek.beck.de>. Rn. 25. Herdegen M. *Völkerrecht*, § 22. Verhältnis von Völkerrecht und innerstaatlichem Recht. 17. Aufl. 2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ebibliothek.beck.de>. Rn. 5. Hussner M. Die Übernahme internationalen Rechts in die russische und deutsche Rechtsordnung, in: Stuttgart, Ibidem-Verl., 2005. S. 51.

⁶² Schweitzer M., Dederer H.-G. *Staatsrecht, Völkerrecht, Europarecht*, in: Heidelberg, C.F. Müller, 11. Aufl. 2016. S. 222.

⁶³ Hussner M. Die Übernahme internationalen Rechts in die russische und deutsche Rechtsordnung, in: Stuttgart, Ibidem-Verl., 2005. S. 124.

⁶⁴ Schweitzer M., Dederer H.-G. *Staatsrecht, Völkerrecht, Europarecht*, in: Heidelberg, C.F. Müller, 11. Aufl. 2016. S. 228–229. Hussner M. Die Übernahme internationalen Rechts in die russische und deutsche Rechtsordnung, in: Stuttgart, Ibidem-Verl., 2005. S. 50.

нормы воздействовать фактически» заслуживает особого внимания, хотя российскими исследователями оно не выделяется.

Предпосылкой непосредственного применения нормы является также ее внутригосударственное действие. Согласно позиции ФКС ФРГ «только такие нормы международных договоров могут стать частью применяемого внутри государства права, которые обладают всеми свойствами, характерными для закона (по смыслу внутригосударственного права)»⁶⁵.

При решении вопроса непосредственной применимости нормы международного права М. Хусснер рекомендует обращать внимание на следующие аспекты⁶⁶:

1. Не исключила ли одна из договаривающихся сторон возможность непосредственного применения международно-правовой нормы? Этот вопрос разрешается на уровне международного права.

2. Является ли международно-договорное положение подсудным национальному праву? Данный вопрос разрешается на уровне национального права.

Тем самым непосредственная применимость нормы оценивается в соответствии с национальными и международными стандартами. Некоторые авторы отмечают, что государство, как сторона договора, может самостоятельно разрешить вопрос непосредственного применения нормы международного права в национальной правовой системе, предусмотрев это внутригосударственным актом⁶⁷.

⁶⁵ Schweitzer M., Dederer H.-G. Staatsrecht, Völkerrecht, Europarecht, in: Heidelberg, C.F. Müller, 11. Aufl. 2016. S. 230. Buchs G. Die unmittelbare Anwendbarkeit völkerrechtlicher Vertragsbestimmungen, in: Baden-Baden, Nomos-Verl.-Ges., 1. Aufl. 1993. S. 30.

⁶⁶ Hussner M. Die Übernahme internationalen Rechts in die russische und deutsche Rechtsordnung, in: Stuttgart, Ibidem-Verl., 2005. S. 43.

⁶⁷ Schroeder W. Grundkurs Europarecht. 5. Aufl. 2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ebibliothek.beck.de>. Rn. 25. Schweitzer M., Dederer H.-G. Staatsrecht, Völkerrecht, Europarecht, in: Heidelberg, C.F. Müller, 11. Aufl. 2016. Rn. 436 ff.

Таким образом, если норма обладает признаком непосредственной применимости, она может выступать в качестве диспозиции для разрешения конкретного дела⁶⁸ и основания возникновения конкретных прав и обязанностей у физических и юридических лиц, должностных лиц и судов. Такие нормы, как правило, содержатся в договорах, регулирующих вопросы права свободного выбора места жительства, экстрадиции или избежания двойного налогообложения⁶⁹.

Важнейшее практическое значение признания нормы самоисполнимой проявляется в том, что органы государственной власти могут применять международное право наравне с внутригосударственным, национальным, правом, не предпринимая к этому какие-либо дополнительные – обеспечительные или конкретизирующие – меры⁷⁰.

По мнению большинства авторов только самоисполнимые нормы являются частью национальной правовой системы. Нормы, не обладающие свойством непосредственной применимости и нуждающиеся в издании дополнительного внутригосударственного акта, действуют исключительно для государства, а не внутри него⁷¹. Схожую позицию в российской доктрине высказывает Б. И. Осминин⁷².

По нашему мнению, нельзя так категорично вычеркивать несамоисполнимые нормы из правовой системы государства, ведь это целый пласт международных договоров, конвенций и соглашений. На представляется, что несамоисполнимые нормы оказывают влияние на

⁶⁸ Buchs G. Die unmittelbare Anwendbarkeit völkerrechtlicher Vertragsbestimmungen, in: Baden-Baden, Nomos-Verl.-Ges., 1. Aufl. 1993. S. 27.

⁶⁹ Herdegen M. Völkerrecht, § 22. Verhältnis von Völkerrecht und innerstaatlichem Recht. 17. Aufl. 2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ebibliothek.beck.de>. Rn. 5. Schroeder W. Grundkurs Europarecht. 5. Aufl. 2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ebibliothek.beck.de>. Rn. 25.

⁷⁰ Herdegen M. Völkerrecht, § 22. Verhältnis von Völkerrecht und innerstaatlichem Recht. 17. Aufl. 2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ebibliothek.beck.de>. Rn. 5. Schroeder W. Grundkurs Europarecht. 5. Aufl. 2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ebibliothek.beck.de>. Rn. 25.

⁷¹ Schweitzer M., Dederer H.-G. Staatsrecht, Völkerrecht, Europarecht, in: Heidelberg, C.F. Müller, 11. Aufl. 2016. S. 231.

⁷² Осминин Б.И. Приоритетное применение международных договоров в национальной правовой системе: условия и последствия / Б. И. Осминин // Журнал российского права. – 2017. – № 12. С. 160–173.

национальную правовую систему, ориентируют органы государственной власти на возможные изменения национального законодательства в соответствии с положениями международного права. Таким образом, внутри государства действуют не только самоисполнимые нормы.

§ 3. Тенденции непосредственного применения норм международного права

Как для России, так и для Германии характерен дуалистический подход к соотношению международного и национального права⁷³, что также подтверждается позицией конституционных судов.

ФКС ФРГ в решении по делу Гёргиюлю (2004) приходит к выводу, что «в основе Основного Закона со всей очевидностью лежит классическое представление, согласно которому при отношении международного права к национальному праву речь идет об отношении двух различных правовых сфер, а природа этого отношения с точки зрения национального права может определяться только самим национальным правом»⁷⁴.

КС РФ в решении по делу нефтяной компании ЮКОС (2017) также разграничивает две правовые системы. Так, по мнению КС РФ, «взаимодействие европейского конвенционного и российского конституционного правопорядков невозможно в условиях субординации, поскольку только диалог между различными правовыми системами служит основой их надлежащего равновесия»⁷⁵.

⁷³ Sauer H. Staatsrecht III, in: München, C.H. Beck, 4. Aufl. 2016. S. 86. Schorkopf F. Staatsrecht der internationalen Beziehungen, in: München, C.H. Beck, 2017. S. 22. Егоров С.А. Международное право: Учебник / Отв. Ред. д.ю.н., проф. С. А. Егоров. – М.: Статут, 2016. С. 49.

⁷⁴ BVerfG, Beschluss des Zweiten Senats vom 14. Oktober 2004 – 2 BvR 1481/04. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bverfg.de>. Rn. 34.

⁷⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. П. 2.

Соответственно, некоторые разногласия и напоминание о существовании границ между двумя разными правовыми системами – международным и национальным правом – периодически имеют место быть.

Ведущая роль в разрешении конфликтов между двумя правовыми системами отводится конституционным судам. Это объясняется тем, что на защите национального права стоит конституция – основной закон государства. Толкование положений конституции и проверку норм международного права на вопрос соответствия основному закону государства осуществляют конституционные суды. Поэтому, чтобы оценить дальнейшее развитие международного права, в том числе непосредственного применения, во внутригосударственной сфере, необходимо вновь обратиться к позиции конституционных судов.

Согласно изложенной Конституционным Судом РФ в целом ряде постановлений позиции⁷⁶ активное выступление Российской Федерации в качестве члена мирового сообщества, заключение международных договоров, участие в межгосударственных объединениях не означают отказа от государственного суверенитета, что может привести к неисполнению Российской Федерацией постановлений ЕСПЧ. Подобное отступление от взятых на себя международных обязательств допускается в исключительных случаях, когда является единственно возможным способом избежать нарушения основополагающих принципов и норм Конституции РФ⁷⁷.

⁷⁶ Постановления КС РФ от 7 июня 2000 года N 10-П, от 27 марта 2012 года N 8-П, от 14 июля 2015 года N 21-П, от 19 апреля 2016 года N 12-П, от 19.01.2017 года N 1-П.

⁷⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. П. 2.2.

Отметим готовность национального законодателя оперативно реагировать на изменяющийся настрой КС РФ и принимать законы о внесении изменений в те или иные внутригосударственные правовые акты. Так, принятие Постановления N 21-П (июль, 2015) повлекло за собой внесение изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде РФ» (декабрь, 2015). У КС РФ появилось больше рычагов воздействия на применение международного права внутри государства. Теперь КС РФ компетентен рассматривать дела о возможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека. По результатам рассмотрения дела может быть принято решение о невозможности исполнения решения в целом или в части.

Однако не совсем корректно говорить о том, что КС РФ более не намерен сотрудничать с ЕСПЧ и соблюдать его требования. В п. 6 Постановления N 21-П (2015) объясняется механизм взаимодействия Конституции РФ и Европейской Конвенции.

Если Конституция РФ не позволяет согласиться с отдельным постановлением Европейского Суда по правам человека, Конституционный Суд РФ обязан отразить это несогласие в своем решении. В то же время, признавая фундаментальное значение европейской системы защиты прав и свобод человека и гражданина, частью которой являются постановления ЕСПЧ, КС РФ «готов к поиску правомерного компромисса ради поддержания этой системы, но определение степени своей готовности он оставляет за собой, поскольку границы компромисса в данном вопросе очерчивает именно Конституция Российской Федерации»⁷⁸.

⁷⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Справочная правовая система

ФКС ФРГ обращает внимание на то, что при толковании Основного Закона необходимо учитывать содержание и оказываемое влияние ЕКПЧ. В решении по делу Гёргюлю (2004) ФКС ФРГ отметил, что суды обязаны принимать во внимание постановление ЕСПЧ, если решение принимается по тому же предмету и решение может быть учтено без нарушений материального права⁷⁹.

Важнейшие выводы из решения по делу Treaty Override (2015) касаются принципа *lex posterior* и объективного ограничения приверженности международному праву.

Во-первых, ст. 59 Основного Закона ФРГ, определяющая ранг федеральных законов для международных договоров, не ограничивает действие принципа *lex posterior* в отношении международных договоров. Тем самым законодатель вправе позднее принять федеральный закон, который иначе регулирует отношения, чем международный договор⁸⁰. В таком случае будет действовать новое регулирование, по правилу «последующий закон отменяет предыдущий».

Во-вторых, нельзя утверждать, что из принципа правового государства следуют верховенство международного договорного права по отношению к федеральному законодательству⁸¹. Некоторые авторы относят принцип правового государства к ограничениям непосредственного применения международно-правовых норм⁸².

«Консультант Плюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. П. 6. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. П. 7.

⁷⁹ BVerfG, Beschluss des Zweiten Senats vom 14. Oktober 2004 – 2 BvR 1481/04. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bverfg.de>. Rn. 30.

⁸⁰ BVerfG, Beschluss des Zweiten Senats vom 15. Dezember 2015 – 2 BvL 1/12. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bverfg.de>.

⁸¹ BVerfG, Beschluss des Zweiten Senats vom 15. Dezember 2015 – 2 BvL 1/12. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bverfg.de>.

⁸² Talmon S. Die Grenzen der Anwendung des Völkerrechts im deutschen Recht, in: JZ 1/2013. S. 17–20.

В-третьих, хотя принцип приверженности международному праву и имеет конституционный ранг, из него вовсе не следует конституционно-правовая обязанность государственных органов неограниченно следовать и соблюдать все международно-правовые нормы⁸³.

Таким образом, преследуя цель «открытого конституционного строя», Основной Закон допускает взаимодействие международного и национального права только под контролем Основного Закона. Принцип приверженности международному праву может конкретизировать или дополнять положения Основного Закона, но не может изменять Основной Закон или лишать его силы⁸⁴.

М. Паянде отмечает, что рассматриваемое решение ФКС ФРГ все же не закрепляет перелом в тенденции приверженности международному праву, однако зародившийся в решении по делу Гёргиюлю потенциал не нашел своего дальнейшего развития в данном решении⁸⁵.

Таким образом, конституционные суды России и Германии обозначают существование границ между национальным и международным правом, демонстрируя приоритетность национальных конституций.

Тем не менее, приоритетной задачей в этой связи остается вовсе не массовое согласование всех норм национального права с международным правом, а скорее обеспечение функционирования и действия международных норм как таковых в национальной правовой системе⁸⁶.

Обеспечить надлежащее функционирование и действие международных норм может тщательная предварительная подготовка к подписанию международного договора. Отмечая неготовность государств

⁸³ BVerfG, Beschluss des Zweiten Senats vom 15. Dezember 2015 – 2 BvL 1/12. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bverfg.de>.

⁸⁴ BVerfG, Beschluss des Zweiten Senats vom 15. Dezember 2015 – 2 BvL 1/12. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bverfg.de>.

⁸⁵ Payandeh M. Grenzen der Völkerrechtsfreundlichkeit, NJW 18/2016. S. 1282.

⁸⁶ Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации: монография / С. Ю. Марочкин – Москва: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://new.znanium.com/catalog/product/995356>. С. 44.

подменять национальное право международным, Б. И. Осминин рекомендует заблаговременно обеспечивать приведение национального законодательства в соответствие с международными договорными обязательствами⁸⁷. Так, суды «не вправе применять несоисполнимые положения международного договора, самостоятельно «конструируя» право»⁸⁸. В то же время, государство не может сослаться на непринятие имплементационного законодательства для объяснения невыполнения своих международных обязательств. Отсюда следует, что перед подписанием международного договора необходимо, во-первых, определить, являются ли договорные положения самоисполнимыми; во-вторых, подготовить имплементационное законодательство и обеспечить его введение к моменту вступления международного договора в силу⁸⁹. Это обеспечит своевременную реализацию несоисполнимых норм международного права внутри государства и возможность их применения национальными судами.

Также представляется необходимым внести поправки в федеральное законодательство (наиболее логичными нам видятся изменения в ФЗ о международных договорах) и закрепить требования к самоисполнимым нормам международного права. «Легитимация самоисполнимости» позволит национальным судам избавиться от сомнений о законности и обоснованности применения договорных положений вместо норм национального права. Использование судами законодательно установленной методики определения самоисполнимости норм международного права обеспечит единство квалификации⁹⁰ и согласованность практики.

⁸⁷ Осминин Б.И. Приоритетное применение международных договоров в национальной правовой системе: условия и последствия / Б. И. Осминин // Журнал российского права. – 2017. – № 12. С. 160–173.

⁸⁸ Осминин Б.И. Вопросы самоисполнимости международных договоров (на примере США, Нидерландов и России) / Б. И. Осминин // Журнал российского права. – 2012. – № 6. С. 80–90.

⁸⁹ Осминин Б.И. Вопросы самоисполнимости международных договоров (на примере США, Нидерландов и России) / Б. И. Осминин // Журнал российского права. – 2012. – № 6. С. 80–90.

⁹⁰ Карандашов И.И. Непосредственное действие норм международных договоров в правовой системе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.10 / И. И. Карандашов. – Санкт-Петербург, 2013. С. 18.

Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин отмечает «тенденцию, предопределяемую Конституцией РФ, к возрастанию роли судебной власти в упрочении взаимодействия между национальной и международной правовыми системами»⁹¹.

Данное замечание, на наш взгляд, имеет особое значение для применения международного права во внутригосударственной правовой системе. Можно констатировать закрепление на высшем правоприменительном уровне тенденции к возрастанию роли судов в процессе взаимодействия двух правовых систем.

Об особенной роли судов в процессе применения норм международного права пишут В. В. Терешкова и С. Ю. Марочкин. Так, В. В. Терешкова отмечает широкое вовлечение национальных судебных органов в процесс реализации и увеличение числа международных норм, обязательных к применению национальными судами⁹². С. Ю. Марочкин называет процесс применения «наиболее ответственной формой действия и реализации» норм международного права. Применение завершается принятием властного акта – судебного решения, который непосредственно влияет на права и обязанности субъектов права⁹³.

Применение норм международного права предполагает не только простое толкование договоров, но и их сопоставление с национальным законодательством, выбор применяемого права и формы, в которой будет осуществляться применение. Отсюда следуют повышенные требования как к национальному законодательству, так и к судьям, которые применяют нормы международного права, к их квалификации и познаниям в данной сфере.

⁹¹ Зорькин В.Д. Конституционный Суд России в европейском правовом поле / В. Д. Зорькин // Журнал российского права. – 2005. – № 3. С. 5.

⁹² Терешкова В.В. Применение норм международного права в судебной системе Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / В. В. Терешкова. – Екатеринбург, 1998.

⁹³ Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации: монография / С. Ю. Марочкин – Москва: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://new.znaniium.com/catalog/product/995356>. С. 272–273.

С учетом вышеизложенного законодательное закрепление основ непосредственного применения видится крайне необходимым и важным, в первую очередь, для судов. Применение норм международного права является не правом, а обязанностью судов. Законность и обоснованность принимаемых национальными судами решений зависит от полноты анализа и применения норм как национального, так и международного права.

Глава 2. Правовые основы непосредственного применения норм международного права национальными судами

§ 1. Государственный суверенитет и доктрина *margin of appreciation* в контексте непосредственного применения норм международного права

В практике Конституционного Суда РФ и Федерального Конституционного Суда ФРГ сложился подход, согласно которому в исключительных случаях допускается неисполнение государством своих обязательств по международному праву. Такой подход высшие суды оправдывают неготовностью и невозможностью отказа от государственного суверенитета для соблюдения своих международных обязательств, исключительностью ситуации и неблагоприятными последствиями для государства и национального права в виде нарушения основополагающих норм основного закона в случае беспрекословного следования своим международным обязательствам⁹⁴.

Такая позиция, на наш взгляд, обусловлена переосмыслением государствами концепции суверенитета, уточнением своей роли в межгосударственных отношениях, а также формированием нового подхода к участию в международных объединениях и наднациональных организациях. Может ли, однако, такое переосмысление стать препятствием для непосредственного применения?

Государственный суверенитет в контексте международного права понимается по-разному. Д. В. Галушко определяет суверенитет как «юридическое выражение самостоятельности государства, верховенства и неограниченности его власти внутри страны, а также независимости и равноправия во взаимоотношениях с другими государствами»⁹⁵, выделяя тем самым внутренний и внешний суверенитет. А. А. Моисеев рассматривает

⁹⁴ Постановление КС РФ от 19.01.2017 года N 1-П, *Beschluss des Zweiten Senats des Bundesverfassungsgerichts vom 14. Oktober 2004 in Sache Görgülü*.

⁹⁵ Галушко Д.В. О суверенитете государства в международном праве / Д. В. Галушко // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2013. – № 1. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/pravo/2013/01/2013-01-37.pdf>. С. 370.

государственный суверенитет как «неотчуждаемое юридическое качество независимого государства», которое символизирует политико-правовую самостоятельность государства, его «высшую ответственность и ценность как первичного субъекта международного права»⁹⁶.

Представляется интересным подход Ю. А. Тихомирова. Под государственным суверенитетом он понимает возможность государства «решать самостоятельно внутренние, а также внешние дела с соблюдением общепризнанных норм международного права»⁹⁷. Подход, отсылающий непосредственно к международному праву, характерен скорее для немецкой доктрины. К примеру, В. Г. Витцтум определяет внешний суверенитет государства, как «свойство государственной власти», выраженное в необходимости подчиняться только международному праву и «подчиняться ему непосредственно»⁹⁸.

Неразрывная связь и взаимозависимость международного права и государственного суверенитета прослеживаются на всем пути их существования – от Вестфальского мирного договора (1648) до Устава ООН (1945). Принцип суверенного равенства государств лежит в основе современной системы международных отношений, параграф 1 статьи 2 Устава ООН. В силу данного принципа именно государства являются первичным субъектом международного права и источником международных норм⁹⁹. Соблюдение государственного суверенитета выступает

⁹⁶ Моисеев А.А. Соотношение суверенитета и надгосударственности в современном международном праве (в контексте глобализации): автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.10 / А. А. Моисеев. – Москва, 2007. С. 8.

⁹⁷ Тихомиров Ю.А. Суверенитет в условиях глобализации / Ю. А. Тихомиров // Право и политика. – 2006. – № 11. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. См. также: Моисеев А.А. Соотношение суверенитета и надгосударственности в современном международном праве (в контексте глобализации): автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.10 / А. А. Моисеев. – Москва, 2007. С. 17.

⁹⁸ Витцтум В.Г. Международное право: *Völkerrecht* / В. Г. Витцтум. Пер с нем., 2-е изд. – М.: Инфотропик Медиа. – 2015. С. 31.

⁹⁹ Лукашук И.И. Современное право международных договоров: В 2 т. Заключение международных договоров. Том 1 / И. И. Лукашук // Волтерс Клувер – 2004. С. 89.

«определяющей характеристикой международных отношений»¹⁰⁰, «необходимым условием многостороннего сотрудничества государств»¹⁰¹.

Особенно важным представляется замечание о том, что подчинение нормам международного права, участие в надгосударственных образованиях не приводит к ослаблению государственного суверенитета. Напротив, именно в силу своего суверенитета государства признают систему обязательных для них международно-правовых принципов. Об этом пишут Д. Ллойд, В. Г. Витцтум, Й. Лаак, А. А. Моисеев, И. И. Лукашук, В. Д. Зорькин и другие.

Во избежание ошибочных выводов представляется необходимым рассмотреть подробнее механизм делегирования государствами своих прав на международный уровень и наделения международных организаций правосубъектностью.

По справедливому замечанию Д. В. Галушко на международный уровень передается не сам государственный суверенитет, который является качественной, статичной категорией, а лишь некоторые права государства (количественная, динамичная категория), вытекающие из его суверенитета. Особое внимание в данном процессе уделяется согласию государства, добровольности, отсутствию какого-либо внешнего принуждения¹⁰². Важно, что государство самостоятельно определяет: подчиняется ли оно нормам международного права, в какой мере и каким образом¹⁰³. Следовательно,

¹⁰⁰ Галушко Д.В. О суверенитете государства в международном праве / Д. В. Галушко // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2013. – № 1. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/pravo/2013/01/2013-01-37.pdf>. С. 367.

¹⁰¹ Моисеев А.А. Соотношение суверенитета и надгосударственности в современном международном праве (в контексте глобализации): автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.10 / А. А. Моисеев. – Москва, 2007. С. 28.

¹⁰² Галушко Д.В. О суверенитете государства в международном праве / Д. В. Галушко // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2013. – № 1. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/pravo/2013/01/2013-01-37.pdf>. С. 372.

¹⁰³ Витцтум В.Г. Международное право: Völkerrecht / В. Г. Витцтум. Пер с нем., 2-е изд. – М.: Инфотропик Медиа. – 2015. С. 111.

участие государств в многостороннем сотрудничестве – это не ограничение, а реализация суверенитета¹⁰⁴.

Мы поддерживаем позицию А. А. Моисеева в том, что возникновение надгосударственных объединений обусловлено, в первую очередь, поисками «наиболее эффективных международно-правовых путей решения государственных задач»¹⁰⁵. Поэтому ограничения прав, вытекающие из международных договоров, компенсируются возможностями коллективного и согласованного решения вопросов публичного характера, использования международных институтов, дополнительной охраны интересов государства и его граждан¹⁰⁶.

В то же время многие авторы отмечают защитную функцию суверенитета от воздействия со стороны международного права. Так, В. Г. Витцтум пишет, что суверенитет «ограждает национальный правопорядок от действия других правопорядков, включая нормы международного права»¹⁰⁷. А. А. Моисеев допускает возможность для государства не только брать на себя международно-правовые обязательства и полномочия, но и отказываться от их выполнения¹⁰⁸. Однако в таком случае крайне важно, чтобы отказ осуществлялся в соответствии с требованиями международного права.

Председатель КС РФ В. Д. Зорькин подчеркивает, что участие РФ в международных конвенциях «никак не означает делегирования на этот уровень той или иной части государственного суверенитета России». Россия добровольно возлагает на себя международно-правовые обязательства, но в

¹⁰⁴ Моисеев А.А. Соотношение суверенитета и надгосударственности в современном международном праве (в контексте глобализации): автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.10 / А. А. Моисеев. – Москва, 2007. С. 19.

¹⁰⁵ Моисеев А.А. Соотношение суверенитета и надгосударственности в современном международном праве (в контексте глобализации): автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.10 / А. А. Моисеев. – Москва, 2007. С. 10.

¹⁰⁶ Тихомиров Ю.А. Суверенитет в условиях глобализации / Ю. А. Тихомиров // Право и политика. – 2006. – № 11. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

¹⁰⁷ Витцтум В.Г. Международное право: *Völkerrecht* / В. Г. Витцтум. Пер с нем., 2-е изд. – М.: Инфотропик Медиа. – 2015. С. 111.

¹⁰⁸ Моисеев А.А. Соотношение суверенитета и надгосударственности в современном международном праве (в контексте глобализации): автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.10 / А. А. Моисеев. – Москва, 2007. С. 9.

случае спорных моментов и правовых коллизий «суверенное право окончательных решений» остается за Россией¹⁰⁹. В связи с этим РФ вправе не учитывать решения ЕСПЧ в случаях, противоречащих конституционным ценностям¹¹⁰.

Интересно, что согласно позиции ФКС ФРГ суверенитет государства заключается именно в том, что «последнее слово остается за германской Конституцией»¹¹¹. Национальные суды учитывают гарантии ЕКПЧ, рассматривают решения ЕСПЧ как методически допустимое толкование Основного закона, но обращают при этом особое внимание на влияние решений ЕСПЧ на национальный правопорядок¹¹².

Представляется крайне важным, чтобы защитный механизм государственного суверенитета использовался конституционными судами лишь в исключительных случаях, не становясь при этом обычной практикой. В современной истории международного и национального права суверенитет не является «таким же абсолютным и неограниченным, каким он был изначально»¹¹³. Суверенитет может быть ограничен международно-правовыми договорами, например, если суверенные права делегированы наднациональной или международной организации¹¹⁴. Также его абсолютность ограничивается международными обязательствами¹¹⁵.

В качестве общепризнанной основы международного договорного права и международного сотрудничества выступает принцип *pacta sunt*

¹⁰⁹ Зорькин В.Д. Право силы и сила права / В. Д. Зорькин // Журнал конституционного правосудия. – 2015. – № 5. С. 1–12.

¹¹⁰ Зорькин В.Д. Право силы и сила права / В. Д. Зорькин // Журнал конституционного правосудия. – 2015. – № 5. С. 1–12.

¹¹¹ Швабе Ю., Гайсслер Т. Избранные решения Федерального Конституционного Суда Германии / Ю. Швабе, Т. Гайсслер – М.: Инфотропик Медиа. – 2018. С. 803.

¹¹² Швабе Ю., Гайсслер Т. Избранные решения Федерального Конституционного Суда Германии / Ю. Швабе, Т. Гайсслер – М.: Инфотропик Медиа. – 2018. С. 803–804.

¹¹³ Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации: монография / С. Ю. Марочкин – Москва: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://new.znaniium.com/catalog/product/995356>. С. 130.

¹¹⁴ Витцтум В.Г. Международное право: *Völkerrecht* / В. Г. Витцтум. Пер с нем., 2-е изд. – М.: Инфотропик Медиа. – 2015. С. 256.

¹¹⁵ Баглай М.В., Туманов В.А. Малая энциклопедия конституционного права. М., 1998. С. 442–445.

*servanda*¹¹⁶. Обязательность действующих международных договоров и требование их добросовестного выполнения закреплены в статье 26 Венской конвенции о праве международных договоров (1969). В силу статьи 27 Венской конвенции исключается ссылка на внутригосударственное право для оправдания невыполнения международных обязательств. В то же время нарушение положений внутреннего права учитывается в порядке исключения, если является очевидным и существенным, статья 46 Венской конвенции. Одним из таких очевидных и существенных нарушений как раз и является покушение на конституционные основы и государственный суверенитет. В этой связи крайне важно избегать ситуаций, когда национальные государства или международное сообщество злоупотребляют категорией государственного суверенитета¹¹⁷.

Для этого необходимо четко понимать, как соотносятся между собой государственный суверенитет и принцип *pacta sunt servanda* и на какой стадии реализации международной нормы может вставать вопрос о государственном суверенитете.

Учитывая проанализированные выше доктринальные позиции, становится очевидным, что вопрос о государственном суверенитете возникает лишь на подготовительной стадии заключения международного договора, когда государство решает, на каких условиях подписывать договор. После подписания, вступления в силу и ратификации договора, его положения становятся обязательными для исполнения государством в силу самого договора, а также в силу принципа *pacta sunt servanda*. Таким образом, государственный суверенитет не может стать прямым препятствием для непосредственного действия и применения международно-правовых

¹¹⁶ Лукашук И.И. Современное право международных договоров: В 2 т. Действие международных договоров. Том 2 / И. И. Лукашук // Волтерс Клувер – 2006. С. 24.

¹¹⁷ Галушко Д.В. О суверенитете государства в международном праве / Д. В. Галушко // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2013. – № 1. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/pravo/2013/01/2013-01-37.pdf>. С. 371.

норм. Если договор действует в правовой системе непосредственно, он действует уже собственной силой¹¹⁸.

Государство лишь в исключительных случаях может сослаться на суверенитет при исполнении международного договора – в порядке статьи 46 Венской конвенции. По общему же правилу абсолютность государственного суверенитета ограничивается международными обязательствами.

Мы поддерживаем позицию Р. Х. Ван Оуэна, который утверждает, что использование концепции государственного суверенитета для неисполнения международных обязательств проблематично не только с точки зрения правовой политики, но и противоречит системе права и, более того, выглядит как «судья в своем собственном деле»¹¹⁹. Последнее, как известно, не допустимо в силу общего принципа права *nemo iudex in causa sua*.

Иные выводы возможны, однако, при использовании национальными судами такого инструмента как *margin of appreciation*, чье действие основывается, в первую очередь, на публичном интересе государств.

Правовая категория *margin of appreciation* обозначает степень свободы действий, которую Европейский суд по правам человека предоставляет государствам-членам при самостоятельном выборе мер для реализации конвенционных положений¹²⁰. Предоставляемая государствам «свобода» не является неограниченной и бесконтрольной¹²¹. С учетом этого считаем необходимым согласиться с замечанием А. И. Ковлера о том, что предложенный российской доктриной перевод *margin of appreciation* как «свобода усмотрения» является неточным и влечет за собой некорректные выводы о вседозволенности для национальных органов при его

¹¹⁸ Карандашов И.И. Непосредственное действие норм международных договоров в правовой системе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.10 / И. И. Карандашов. – Санкт-Петербург, 2013. С. 14, 21.

¹¹⁹ Van Ooyen R. Chr. Die Staatstheorie des Bundesverfassungsgerichts und Europa. 7 Aufl. 2018. Nomos. S. 80.

¹²⁰ Asche J. Die Margin of Appreciation. Entwurf einer Dogmatik monokausaler richterlicher Zurückhaltung für den europäischen Menschenrechtsschutz. Heidelberg, 2018. S. 2.

¹²¹ Schulte H. Zur Übertragbarkeit der Margin-of-appreciation-Doktrin des EGMR auf die Rechtsprechung des EuGH im Bereich der Grundfreiheiten. 1. Aufl. 2018. S. 181.

применении¹²². На наш взгляд, более подходящим и соответствующим характеру правовой категории *margin of appreciation* является перевод «пределы усмотрения», который также соответствует терминологии, используемой в немецкой доктрине¹²³.

По справедливому замечанию О. С. Орехова *margin of appreciation* является «универсальным инструментом международного права с двуединой правовой природой». С одной стороны, это компетенция национальных органов по исполнению международных договоров, с другой стороны – метод принятия решений международными судебными инстанциями¹²⁴.

Впервые доктрина пределов усмотрения упоминается в 1958 году в тексте доклада Комиссии по делу «Греция против Соединенного Королевства». На тот момент Европейский Суд по правам человека фактически уже использовал доктрину в своей практике¹²⁵. Легальное закрепление доктрина получила в 2013 году – в Протоколе № 15 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 1)¹²⁶. Данный Протокол включает в себя в основном процедурные изменения (сроки подачи жалоб, вопросы приемлемости и т.д.), однако одним из наиболее значительных и обсуждаемых положений стало дополнение преамбулы Конвенции оговоркой о свободе усмотрения государств при обеспечении конвенционных прав и свобод¹²⁷.

Доктрина *margin of appreciation* направлена на поиск баланса между конвенционной системой защиты прав человека и конкретными

¹²² Ковлер А.И. «Моральный суверенитет» перед лицом «государственного суверенитета» в европейской системе защиты прав человека / А. И. Ковлер // Международное правосудие. – 2013. – № 3. С. 55.

¹²³ X. Шульте использует понятие *Beurteilungsspielraum*, что дословно можно перевести как «предел оценки».

¹²⁴ Орехов О.С. Свобода усмотрения государств как международно-правовая доктрина / О. С. Орехов // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 1. С. 303.

¹²⁵ Greer S. The margin of appreciation: interpretation and discretion under the European Court of Human Rights / S. Greer // Human Rights Files No. 17. Strasbourg, 2000. [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http://www.echr.coe.int/LibraryDocs/DG2/HRFILES/DG2-EN-HRFILES-17\(2000\).pdf](http://www.echr.coe.int/LibraryDocs/DG2/HRFILES/DG2-EN-HRFILES-17(2000).pdf). P. 5.

¹²⁶ Ратифицирован РФ, однако в соответствии со статьей 7 Протокола не вступил в силу.

¹²⁷ Яковлев В., Абова Т., Новоселова Л., Гальперин М., Степанов Д., Будылин С., Голубок С. Правовые итоги – 2017 // Закон. – 2018. – № 1. С. 4. См. также: Asche J. Die Margin of Appreciation. Entwurf einer Dogmatik monokausaler richterlicher Zurückhaltung für den europäischen Menschenrechtsschutz. Heidelberg, 2018. S. 1.

особенностями национальных систем¹²⁸. В последнее время все чаще подчеркивается, что национальные органы могут разрешать проблемные ситуации лучше и эффективнее, учитывая специфику собственного законодательства и государственного устройства¹²⁹. В этой связи доктрина пределов усмотрения может помочь ЕСПЧ определить степень, в которой необходимо учитывать конкретные национальные стандарты и обстоятельства.

В то же время, существование *margin of appreciation* не приводит к абсолютизации национального права. ЕСПЧ может использовать доктрину, чтобы отразить взгляды национальных властей, но в случае возникновения реального конфликта между публичными интересами государства и защитой прав и свобод человека доктрина не должна становиться препятствием для осуществления защиты прав конкретного человека. Публичные интересы не могут быть первостепенными всегда¹³⁰.

Государственные органы тоже имеют право использовать доктрину *margin of appreciation* в своей деятельности. О. С. Орехов называет критерии, определяющие широту усмотрения государств¹³¹. Первостепенное значение имеет защищаемый общественный интерес. Так, применение усмотрения априори недопустимо в отношении абсолютных прав – права на жизнь (статья 2), права не подвергаться пыткам (статья 3), права не быть

¹²⁸ Машкова Е.В., Виттмер Ф.М. Особенности взаимоотношений между Европейским судом по правам человека и органами конституционного правосудия Германии и Австрии: сравнительно-правовой аспект / Е. В. Машкова, Ф. М. Виттмер // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 12. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. См. также: Сидоренко А.И. Реализация доктрины поля усмотрения в практике Европейского суда по правам человека / А. И. Сидоренко // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. – 2018. – № 1. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

¹²⁹ С. Грир, Х. Шульте, Дж. Аше, М. Гальперин.

¹³⁰ Greer S. The margin of appreciation: interpretation and discretion under the European Court of Human Rights / S. Greer // Human Rights Files No. 17. Strasbourg, 2000. [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http://www.echr.coe.int/LibraryDocs/DG2/HRFILES/DG2-EN-HRFILES-17\(2000\).pdf](http://www.echr.coe.int/LibraryDocs/DG2/HRFILES/DG2-EN-HRFILES-17(2000).pdf).

¹³¹ Орехов О.С. О пределах свободы усмотрения государств в практике Европейского суда по правам человека / О. С. Орехов. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-predelakh-svobody-usmotreniya-gosudarstv-v-praktike-evropeyskogo-suda-po-pravam-cheloveka>. См. также: Постановление ЕСПЧ от 24.01.2017 «Дело «Хамтоху и Аксенчик (Khamtokhu and Aksenchik) против Российской Федерации» (жалобы N 60367/08 и 961/11). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

принужденным к подневольному, рабскому труду (статья 4)¹³². Напротив, широкие пределы усмотрения предоставляется государствам в вопросах морали, в области миграционного законодательства и контроля, в налоговых спорах. Также ЕСПЧ не исследует вопросы пределов усмотрения в делах об ответственности за преступления, связанные с оборотом наркотических средств, организованной преступностью, терроризмом¹³³.

Вторым критерием широты усмотрения является наличие между государствами консенсуса по определенному – спорному – вопросу, касающемуся внутригосударственных дел. Так, пределы усмотрения будут шире там, где консенсус между государствами не достигнут. И, соответственно, наоборот, значительно уже там, где прочно сформированы общие представления¹³⁴.

Однако крайне важно отдавать отчет в том, что названные критерии не являются единственными и постоянными. Вопрос о допустимости и широте усмотрения рассматривается в каждом случае отдельно и зависит от конкретных обстоятельств. В связи с этим доктрина пределов усмотрения подвергается значительной критике в немецкой литературе.

Дж. Аше отмечает, что адресное использование доктрины *margin of appreciation* вносит неопределенность в судебную практику ЕСПЧ – как в отношении абстрактных функциональных механизмов, так и в отношении применения к конкретным делам¹³⁵. Неопределенность в практике ЕСПЧ, по мнению Х. Шульте, негативно сказывается на предсказуемости решений и возможности выработки единых подходов защиты, что в конечном итоге

¹³² Callewaert J. Is there a margin of appreciation in the application of Articles 2, 3 and 4 of the Convention? / J. Callewaert // Human Rights Law Journal. – 1998. – № 19. P. 6–9.

¹³³ Орехов О.С. О пределах свободы усмотрения государств в практике Европейского суда по правам человека / О. С. Орехов. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-predelah-svobody-usmotreniya-gosudarstv-v-praktike-evropeyskogo-suda-po-pravam-cheloveka>.

¹³⁴ Орехов О.С. О пределах свободы усмотрения государств в практике Европейского суда по правам человека / О. С. Орехов. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-predelah-svobody-usmotreniya-gosudarstv-v-praktike-evropeyskogo-suda-po-pravam-cheloveka>.

¹³⁵ Asche J. Die Margin of Appreciation. Entwurf einer Dogmatik monokausaler richterlicher Zurückhaltung für den europäischen Menschenrechtsschutz. Heidelberg, 2018. S. 5.

ставит под вопрос правовую определенность конвенционной системы в целом¹³⁶.

Наличие конструктивной критики свидетельствует о факте активного применения доктрины пределов усмотрения на практике. К тому же в целом роль доктрины оценивается достаточно высоко. С одной стороны, доктрина предусматривает определенные ограничения для ЕСПЧ, не позволяя ему становиться четвертой инстанцией по отношению к национальным судам¹³⁷. С другой стороны, практика ЕСПЧ задает целый спектр возможных способов соблюдения государствами конвенционных требований¹³⁸, что позволяет государствам принимать «различные, но одновременно законные решения при реализации одной международно-правовой нормы»¹³⁹. Перед национальными судами доктрина также ставит определенные задачи: использовать индивидуальный подход при рассмотрении дел, должным образом мотивировать решения, а также проявлять определенную долю «чувствительности к ограничениям прав и свобод»¹⁴⁰.

На наш взгляд, при решении вопроса применения норм международного права судам следует опираться именно на доктрину пределов усмотрения. Использование данного инструмента представляется законным и допустимым с точки зрения как национального, так и международного права. В то же время важно следить за тем, чтобы пределы усмотрения не выходили за рамки международных обязательств и не использовались как механизм, при помощи которого эти обязательства можно не исполнять.

¹³⁶ Schulte H. Zur Übertragbarkeit der Margin-of-appreciation-Doktrin des EGMR auf die Rechtsprechung des EuGH im Bereich der Grundfreiheiten. 1. Aufl. 2018. S. 179–180.

¹³⁷ Schulte H. Zur Übertragbarkeit der Margin-of-appreciation-Doktrin des EGMR auf die Rechtsprechung des EuGH im Bereich der Grundfreiheiten. 1. Aufl. 2018. S. 181.

¹³⁸ Сидоренко А.И. Реализация доктрины поля усмотрения в практике Европейского суда по правам человека / А. И. Сидоренко // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. – 2018. – № 1. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

¹³⁹ Орехов О.С. Свобода усмотрения государств как международно-правовая доктрина / О. С. Орехов // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 1. С. 303.

¹⁴⁰ Сидоренко А.И. Реализация доктрины поля усмотрения в практике Европейского суда по правам человека / А. И. Сидоренко // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. – 2018. – № 1. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

Как правило, *margin of appreciation* ассоциируется с Европейской Конвенцией 1950 г. и ЕСПЧ. Однако представляется возможным, что постепенно границы применения доктрины будут расширяться и использоваться при определении отношений в рамках других международных соглашений и объединений¹⁴¹. Для этого необходимо лишь обозначить четкие критерии ее применения и обеспечить их правильное понимание и использование национальными органами.

§ 2. Законодательные основы непосредственного применения

В силу наличия суверенитета именно государство допускает действие иных, отличных от национального права, норм на своей территории. Ранее в работе отмечалось, что для непосредственного применения норм международного права необходима общая отсылка внутреннего права к международному праву. В литературе подчеркивается «абсолютная необходимость» такой отсылки¹⁴².

Центральной нормой российского законодательства, санкционирующей применение норм международного права для регулирования конкретных отношений внутри государства, является часть 4 статьи 15 Конституции РФ.

Г. В. Игнатенко и О. И. Тиунов называют две основные функции конституционного положения. Во-первых, частью 4 статьи 15 Конституции РФ признается непосредственное действие норм международного права в сфере внутригосударственной деятельности и юрисдикции. Во-вторых, судам, иным государственным органам, хозяйствующим субъектам, должностным лицам и даже гражданам предписывается непосредственное

¹⁴¹ X. Шульте говорит в данном случае про Суд ЕС. См.: Schulte H. Zur Übertragbarkeit der Margin-of-appreciation-Doktrin des EGMR auf die Rechtsprechung des EuGH im Bereich der Grundfreiheiten. 1. Aufl. 2018. S. 19.

¹⁴² Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации: монография / С. Ю. Марочкин – Москва: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://new.znaniium.com/catalog/product/995356>. С. 126.

применение норм международного права¹⁴³. В. В. Терешкова, С. Ю. Марочкин, Б. И. Осминин поддерживают данную точку зрения¹⁴⁴.

Рассуждая о роли части 4 статьи 15 Конституции РФ, Р. В. Казаков рассматривает конституционное положение как «необходимое правовое условие для обеспечения эффективности норм современного международного права»¹⁴⁵. Это иной подход, поскольку в данном случае речь идет именно об эффективности международного права, которая ставится в прямую зависимость от мер, предпринимаемых внутри государства.

И. И. Карандашов соглашается с тем, что теория непосредственного действия воспринята Конституцией РФ¹⁴⁶. В то же время делает важное замечание: часть 4 статьи 15 Конституции РФ «не снабжает нормы договоров силой норм национального права», а лишь является гарантией их прямого действия в национальной правовой системе¹⁴⁷.

При рассмотрении содержания конституционной нормы и ее толковании необходимо учитывать следующее. Во-первых, часть 4 статьи 15 Конституции РФ признает прямое действие не только общепризнанных принципов и норм международного права, но и международных договоров, ратифицированных Российской Федерацией. Во-вторых, на конституционном уровне закреплена форма приоритетного применения норм международного права по отношению к «закону». Г. В. Игнатенко и О. И.

¹⁴³ Игнатенко Г.В., Тиунов О.И. Международное право: Учебник для вузов / Отв. ред. проф. Г. В. Игнатенко и проф. О. И. Тиунов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма. – 2005. С. 144.

¹⁴⁴ Tereshkova V.V. The Meaning and Operation of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and the Judgments of the European Court of Human Rights in the Legal System of the Russian Federation. / V. V. Tereshkova // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 6. – 2017. P. 830. См. также: Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации: монография / С. Ю. Марочкин – Москва: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://new.znanium.com/catalog/product/995356>. С. 126. Осминин Б.И. Приоритетное применение международных договоров в национальной правовой системе: условия и последствия / Б. И. Осминин // Журнал российского права. – 2017. – № 12. С. 160–173.

¹⁴⁵ Казаков Р.В. Национальное и международное право: проблемы взаимодействия / Р. В. Казаков // Вестник Екатеринбургского института. – 2016. – №4 (36). С. 97–99.

¹⁴⁶ Карандашов И.И. Непосредственное действие норм международных договоров в правовой системе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.10 / И. И. Карандашов. – Санкт-Петербург, 2013. С. 12.

¹⁴⁷ Карандашов И.И. Непосредственное действие норм международных договоров в правовой системе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.10 / И. И. Карандашов. – Санкт-Петербург, 2013. С. 7–8.

Тиунов рекомендуют толковать термин «закон» расширительно – для охвата не только законов в формальном смысле, но и всех внутригосударственных нормативных правовых актов¹⁴⁸. Из системного толкования конституционных положений при этом следует, что к «закону» по смыслу части 4 статьи 15 Конституции РФ сама Конституция не относится. Она обладает высшей юридической силой, приоритетным статусом по отношению к законам и иным правовым актам, принимаемым в Российской Федерации, как на это указано в части 1 статьи 15 Конституции РФ¹⁴⁹. В-третьих, часть 4 статьи 15 Конституции РФ никак не разрешает возможную конфликтную ситуацию, когда национальное законодательство предусматривает более благоприятное регулирование по сравнению с нормами международных договоров.

Соответственно, мнение о том, что Конституция РФ закрепляет примат международного права над национальным правом, является ошибочным и основано на поверхностном анализе части 4 статьи 15 Конституции РФ. К тому же, из Заключения Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-З явно следует, что пускай односторонние и многосторонние международные договоры РФ и являются составной частью российской правовой системы, высшей юридической силой обладает именно Конституция РФ¹⁵⁰.

Наряду с частью 4 статьи 15 Конституции РФ законодательной основной непосредственного применения выступает пункт 3 статьи 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» (далее – ФЗ о международных договорах).

¹⁴⁸ Игнатенко Г.В., Тиунов О.И. Международное право: Учебник для вузов / Отв. ред. проф. Г. В. Игнатенко и проф. О. И. Тиунов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма. – 2005. С. 161–162.

¹⁴⁹ См. также: Красинский В.В. Защита государственного суверенитета: монография / В. В. Красинский. – М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017. С. 148.

¹⁵⁰ Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003160037>. П. 3.3.

Статья 5 ФЗ о международных договорах не просто дублирует положения Конституции, но и дополняет ее условиями, необходимыми для непосредственного действия норм международных договоров в РФ. Как справедливо замечает Б. И. Осминин, таким образом, РФ на законодательном уровне допускает непосредственное применение и признает деление норм международного права на самоисполнимые (предложение 1 пункта 3) и несамоисполнимые (предложение 2 пункта 3)¹⁵¹.

Однако данная норма обладает рядом существенных недостатков, на которые мы хотели бы обратить внимание. Пунктом 3 статьи 5 ФЗ о международных договорах определены только два условия непосредственного действия: официальное опубликование международного договора и отсутствие необходимости в издании конкретизирующего внутригосударственного акта. Отметим, что последний признак не является условием непосредственного действия, а скорее относится к последствиям признания нормы международного права самоисполнимой.

Верховный Суд РФ неоднократно предпринимал попытки внести ясность в неточные формулировки рассматриваемой статьи. Так, в Постановлении 1995 года указывается на то, что при реализации несамоисполнимых норм необходимо наряду с договором применять соответствующий внутригосударственный правовой акт, принятый для осуществления положений договора¹⁵². Как справедливо замечает С. Ю. Марочкин, остаются открытыми вопросы, какие договоры «не требуют

¹⁵¹ Осминин Б.И. Приоритетное применение международных договоров в национальной правовой системе: условия и последствия / Б. И. Осминин // Журнал российского права. – 2017. – № 12. С. 160–173. См. также: Агешкина Н.А. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах РФ». / Н. А. Агешкина // Подготовлен для «Консультант Плюс», 2013. С 26.

¹⁵² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. П. 5.

издания соответствующих актов» и что делать судам для выяснения ответа на данный вопрос и корректного применения договора¹⁵³.

В Постановлении 2003 года Верховный Суд РФ называет признак, характеризующий несамоисполнимые международные договоры – содержащееся в договоре указание на обязательства государств-участников по внесению изменений во внутреннее законодательство этих государств. А также дополняет перечень условий, необходимых для непосредственного применения договора: международный договор вступил в силу и стал обязательным для РФ и способен порождать права и обязанности для субъектов национального права¹⁵⁴. Отметим, что перечисленные условия являются признаками самоисполнимой нормы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что не только у законодателя, но и у высших судов отсутствует четкое понимание «условий непосредственного действия» и «признаков самоисполнимых норм». Разграничение между этими правовыми категориями необходимо доработать и закрепить именно на законодательном уровне, определив условия непосредственного применения и признаки самоисполнимости. Для последних представляется возможным создание отдельной статьи или же дополнительного пункта в статье 5 ФЗ о международных договорах.

Третьим уровнем законодательных основ непосредственного применения являются нормы отраслевого законодательства. Эти нормы не только предусматривают особенности применения норм международного права в конкретной отрасли и исправляют неточности конституционного регулирования, но и подтверждают факт того, что законодатель гарантирует приверженность международному праву не только на уровне Конституции.

¹⁵³ Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации: монография / С. Ю. Марочкин – Москва: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://new.znaniium.com/catalog/product/995356>. С. 131.

¹⁵⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 (ред. от 05.03.2013) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. П. 3.

Например, пункт 2 статьи 7 Гражданского кодекса РФ закрепляет признак, свидетельствующий о несамостоятельности международного договора – необходимость издания внутригосударственного акта для применения. Статья 10 Трудового кодекса РФ устанавливает приоритет международных договоров по отношению не только к трудовому законодательству, но и к иным актам, содержащим нормы трудового права, тем самым расширяя понятие «закона», о котором мы упоминали в контексте части 4 статьи 15 Конституции РФ. Статья 4 Земельного кодекса РФ указывает на одно из важнейших условий непосредственного действия международных договоров внутри государства – их ратификацию в установленном порядке. Статья 7 Налогового кодекса РФ также устанавливает приоритет международных договоров над положениями Налогового кодекса и принятыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами и определяет особенности применения международных договоров по отдельным вопросам налогового права.

Отметим, что в Германии отраслевое законодательство не содержит подобных отраслевых норм, что объясняется следующим. Вопрос взаимодействия национального права с международным правом достаточно полно урегулирован на конституционном уровне. Поэтому судебные органы, активно применяющие напрямую положения Основного закона ФРГ, не нуждаются в дополнительной мотивации со стороны отраслевого законодательства для реализации международных норм.

В отличие от РФ немецкий законодатель предусматривает два разных порядка внутригосударственного действия для общепризнанных норм международного права и международных договоров ФРГ¹⁵⁵.

Согласно статье 25 Основного закона ФРГ общепризнанные нормы международного права являются составной частью федерального права

¹⁵⁵ Schweitzer M., Dederer H.-G., Staatsrecht, Völkerrecht, Europarecht, in: Heidelberg, C.F. Müller, 11. Aufl. 2016. S. 222.

Германии, имеют приоритет перед законами и непосредственно порождают права и обязанности для лиц, проживающих на территории ФРГ¹⁵⁶.

Данное конституционное положение по своему характеру является общей отсылкой, генеральным актом о применении общепризнанных норм международного права¹⁵⁷. Оно приводит к «обширной, автоматической и стоящей над законами реализации всех общепризнанных принципов и норм международного права в национальном праве»¹⁵⁸.

Однако в связи с данным конституционным положением возникает ряд вопросов: о положении норм международного права в национальной системе, а также о возможности непосредственного применения всех без исключения общепризнанных норм для разрешения конкретных ситуаций.

Надконституционное положение общепризнанных норм противоречит грамматическому и системному толкованию Основного закона ФРГ. В предложении 2 статьи 25 речь идет именно о законах. Хотя Основной закон ФРГ по своей природе и является формальным законом, он не подпадает под понятие «закон» по смыслу названной нормы. Для обозначения Основного закона законодатель использует формулировку именно «Основной закон» (*das Grundgesetz*), как, например, в абзацах 1 и 3 статьи 79. К тому же, ФКС ФРГ отмечает, что Основной закон не устанавливает подчинение актам иной, чем немецкая, публичной власти, которое бы не подлежало конституционно-правовым ограничениям и контролю¹⁵⁹.

По справедливому замечанию С. Талмона, статья 25 Основного закона определяет приоритет общепризнанных норм международного права над простыми формальными законами, однако верховенство конституции

¹⁵⁶ *Die allgemeinen Regeln des Völkerrechtes sind Bestandteil des Bundesrechtes. Sie gehen den Gesetzen vor und erzeugen Rechte und Pflichten unmittelbar für die Bewohner des Bundesgebietes (Art. 25 GG).*

¹⁵⁷ Витцтум В.Г. Международное право: Völkerrecht / В. Г. Витцтум. Пер с нем., 2-е изд. – М.: Инфотропик Медиа. – 2015. С. 186.

¹⁵⁸ Sauer H., Staatsrecht III, in: München, C.H. Beck, 4. Aufl. 2016. S. 94.

¹⁵⁹ BVerfG, Beschluss des Zweiten Senats vom 14. Oktober 2004 – 2 BvR 1481/04. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bverfg.de>. Rn. 36.

остаётся неизменным. Отсюда следует, что общепризнанные нормы международного права занимают промежуточную позицию между Основным законом и федеральными законами, что и позволяет проверять их на соответствие Основному закону¹⁶⁰.

В литературе мнения относительно непосредственной применимости общепризнанных норм международного права разделились. Некоторые авторы относятся скептически к возможности непосредственного применения таких норм. Х. Зауер отмечает, что у общепризнанных норм отсутствует свойство самоисполнимости ввиду того, что «без принятия дополнительных мер сухие директивы не могут быть использованы для решения конкретных правовых вопросов»¹⁶¹. Такой же позиции придерживается Г. Пападимитриу, который говорит о том, что понятия «общепризнанные принципы и нормы международного права» и «самоисполнимая норма» являются несочетаемыми¹⁶². Общепризнанные нормы международного права, как правило, носят программный характер, они лишь задают определенный вектор развития международным отношениям, в связи с чем их достаточно тяжело конкретизировать и использовать для решения определенного правового вопроса.

Существует и обратное мнение. М. Хусснер допускает непосредственное применение общепризнанных норм международного права и отмечает, что оно напрямую зависит от содержания применяемой нормы¹⁶³. Общепризнанная норма для возможности ее непосредственного применения должна быть настолько конкретизированной по своему содержанию, что для ее реализации не потребовалось бы издания дополнительного внутригосударственного акта¹⁶⁴. С. Талмон также обращает внимание на то,

¹⁶⁰ Talmon S., Die Grenzen der Anwendung des Völkerrechts im deutschen Recht, in: JZ 1/2013. S. 15.

¹⁶¹ Sauer H., Staatsrecht III, in: München, C.H. Beck, 4. Aufl. 2016. S. 94.

¹⁶² Papadimitriu G., Die Stellung der allgemeinen Regeln des Völkerrechts im innerstaatlichen Recht, in: Berlin, Duncker & Humblot, 1972. S. 24.

¹⁶³ Hussner M., Die Übernahme internationalen Rechts in die russische und deutsche Rechtsordnung, in: Stuttgart, Ibidem-Verl., 2005. S. 50.

¹⁶⁴ Talmon S., Die Grenzen der Anwendung des Völkerrechts im deutschen Recht, in: JZ 1/2013. S. 13.

что статья 25 Основного закона хоть и гарантирует общепризнанным нормам международного права их непосредственное действие внутри государства, она не меняет их содержания¹⁶⁵. Поэтому норма должна быть изначально сформулирована конкретно и иметь определенный круг адресатов – т.е. отвечать признакам самоисполнимости.

Специальной нормой по отношению к статье 25 Основного закона является предложение 1 абзаца 2 статьи 59 Основного закона¹⁶⁶. Данная норма устанавливает, что международные договоры, регулирующие политические отношения федерации или затрагивающие вопросы федерального законодательства, нуждаются в одобрении или участии со стороны законодательных органов федерации, которое выражается в форме принятия федерального закона.

На примере данной нормы можно проследить совершенно иной, отличный от российской практики, подход к месту международных договоров в национальной правовой системе и возможности их применения. Во-первых, непосредственное применение международных договоров в Германии возможно только при наличии внутреннего акта, отражающего согласие на действие международной нормы внутри государства. По нашему мнению, такой акт не является конкретизирующим. Он лишь выступает в роли «проводника» международной нормы в национальную правовую систему. Поэтому нельзя исключать из немецкой правовой системы возможность непосредственного применения норм международных договоров. Во-вторых, международные договоры действуют в немецкой правовой системе как простые формальные федеральные законы. Следовательно, в случае возникновения коллизий между нормами международного и национального права действуют общие правила

¹⁶⁵ Talmon S., Die Grenzen der Anwendung des Völkerrechts im deutschen Recht, in: JZ 1/2013. S. 13.

¹⁶⁶ Stern K., Das Staatsrecht der Bundesrepublik Deutschland Band I, 2. Aufl. 1984. S. 481.

разрешения коллизий¹⁶⁷. Например, правило *lex posterior derogat legi priori* – последующий закон отменяет предыдущий.

Таким образом, абзац 2 статьи 59 Основного закона определяет предпосылки действия международных договоров внутри государства и их место в национальном правопорядке¹⁶⁸.

Закрепленное в Основном законе требование о необходимости принятия внутригосударственного акта берет свои начала из теории исполнения, сформулированной Немецкой комиссией международного права¹⁶⁹.

Внутригосударственный акт (*Rechtsanwendungsbefehl*) в данном случае выполняет связующую роль между системами международного и национального права¹⁷⁰. Издание такого акта приводит к тому, что органы государственной власти должны исполнять указанную норму международного договора. Норма, при этом, не теряет свой международно-правовой характер¹⁷¹ и становится «обязательной к соблюдению внутри государства»¹⁷².

Тот факт, что норма международного права не теряет своей природы, имеет следующие положительные последствия. Во-первых, изменения нормы на международном уровне не требуют издания нового внутригосударственного акта – норма будет и дальше действовать непосредственно для государства. Во-вторых, в целях обеспечения внутригосударственного действия нормы потребуются ее толкование по принципу приверженности нормам международного права и с точки зрения

¹⁶⁷ Will M., *Völkerrecht und nationales Recht*, in: *Juristische Ausbildung 2015* (11). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.juraexamen.info/wp-content/uploads/jura-2015-1164.pdf>. S. 1173.

¹⁶⁸ Витцгум В.Г. *Международное право: Völkerrecht / В. Г. Витцгум. Пер с нем., 2-е изд.* – М.: Инфотропик Медиа. – 2015. С. 143.

¹⁶⁹ Schorkopf F., *Staatsrecht der internationalen Beziehungen*, in: München, C.H. Beck, 2017. S. 24.

¹⁷⁰ Papadimitriou G., *Die Stellung der allgemeinen Regeln des Völkerrechts im innerstaatlichen Recht*, in: Berlin, Duncker & Humblot, 1972. S. 60.

¹⁷¹ Herdegen M., *Völkerrecht*, § 22. *Verhältnis von Völkerrecht und innerstaatlichem Recht*. 17. Aufl. 2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ebibliothek.beck.de>. Rn. 7.

¹⁷² Sauer H., *Staatsrecht III*, in: München, C.H. Beck, 4. Aufl. 2016. S. 87.

именно международного права. Тем самым, использование правовой конструкции внутригосударственного акта о применении является наилучшим способом согласования международного и национального права¹⁷³. Отметим, что органы государственной власти Германии – в том числе ФКС ФРГ – также указывают на необходимость издания внутригосударственного акта о применении нормы международного права¹⁷⁴.

Таким образом, для немецкой правовой системы характерно более детальное и проработанное, согласованное с доктриной, урегулирование вопросов непосредственного применения норм международного права. В целом в литературе отмечается, что статьи 25 и 59 Основного закона демонстрируют открытость и приверженность Основного закона международному праву¹⁷⁵. Принцип «открытой государственности» выражается не столько во внешне направленной открытости и ориентированности на европейское и мировое сообщество. Прежде всего, открытость проявляется во внутригосударственной сфере – при обеспечении действия международного права внутри государства¹⁷⁶.

Регламентация непосредственного применения имеет крайне важное практическое значение как для государства, так и для международного сообщества. Эффективность международного права во многом зависит от национального права. И даже если на пути непосредственного применения встречаются определенные препятствия, порой полностью не соответствующие догме права, наличие законодательных основ позволяет государственным органам, в частности, национальным судам, применять нормы международного права в своей деятельности.

¹⁷³ Sauer H., Staatsrecht III, in: München, C.H. Beck, 4. Aufl. 2016. S. 87–88.

¹⁷⁴ Schorkopf F., Staatsrecht der internationalen Beziehungen, in: München, C.H. Beck, 2017. S. 25. BVerfG, Beschluss des Zweiten Senats vom 15. Dezember 2015 – 2 BvL 1/12. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bverfg.de>. Herdegen M. Völkerrecht, § 22. Verhältnis von Völkerrecht und innerstaatlichem Recht. 17. Aufl. 2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ebibliothek.beck.de>. Rn. 7.

¹⁷⁵ Sauer H., Staatsrecht III, in: München, C.H. Beck, 4. Aufl. 2016. S. 94.

¹⁷⁶ Schweitzer M., Dederer H.-G., Staatsrecht, Völkerrecht, Europarecht, in: Heidelberg, C.F. Müller, 11. Aufl. 2016. S. 67.

Глава 3. Судебные аспекты непосредственного применения норм международного права национальными судами России и Германии

§ 1. Международно-правовые нормы как аргумент при принятии судебного решения

Определение в конституции места международного права в правовой системе государства, а также статуса общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров не только дает право, но и возлагает обязанность на национальные судебные органы по применению норм международного права в своей деятельности¹⁷⁷. Это приводит к тому, что ранее недоступная для международного права сфера – отношения государства со своими гражданами – становится доступной для международно-правового регулирования.

Развивая положения Конституции РФ и ФЗ о международных договорах, Верховный Суд РФ ориентирует национальные суды на обязательное приоритетное применение норм международного права в случае возникновения коллизий с нормами национального права, а также подтверждает признание российской правовой системой деления международных договоров на самоисполнимые и несамоисполнимые¹⁷⁸. В этой связи заслуживает внимания позиция законодательных органов РФ. Так, Совет Федерации указывает на то, что если суд отказывается в конкретном деле применить положения международного договора либо другого источника международного права, признавая те или иные их положения несамоисполнимыми, то в первую очередь суд обязан доказать этот факт¹⁷⁹.

¹⁷⁷ Papadimitriu G., Die Stellung der allgemeinen Regeln des Völkerrechts im innerstaatlichen Recht, in: Berlin, Duncker & Humblot, 1972. S. 99. См. также: Витцгум В.Г. Международное право: Völkerrecht / В. Г. Витцгум. Пер с нем., 2-е изд. – М.: Инфотропик Медиа. – 2015. С. 204.

¹⁷⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. П. 5.

¹⁷⁹ Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 8 февраля 2006 г. № 36-СФ «О докладе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2005 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

Помимо этого Верховный Суд РФ рекомендует в случае возникновения трудностей при толковании международных норм использовать акты и решения международных организаций, в том числе органов ООН и ее специализированных учреждений¹⁸⁰. Немецким судам также рекомендовано в таком случае использовать международно-правовые правила толкования¹⁸¹. В этой связи С. Ю. Марочкин справедливо замечает, что суды в своей деятельности не просто опираются на нормативно-правовую составляющую системы международного права, но и практически на все ее элементы¹⁸².

Федеральный Конституционный Суд Германии также подтверждает обязанность немецких судов, действующих на основании принципа «закона и права»¹⁸³, применять нормы международного права и при принятии решений учитывать и ориентироваться на практику и правовую позицию международных судов¹⁸⁴.

Таким образом, как в России, так и в Германии непосредственное применение норм международного права напрямую относится к компетенции судов общей юрисдикции. Согласно доктрине данное полномочие проявляется в следующем. Во-первых, международные нормы используются как «юридическое основание принимаемых решений» при рассмотрении вопросов, регулируемых не только на внутригосударственном, но и на международном уровне¹⁸⁵. Во-вторых, международные нормы используются как средство толкования и как «юридический аргумент» в

¹⁸⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 (ред. от 05.03.2013) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. П. 16.

¹⁸¹ Витцтум В.Г. Международное право: *Völkerrecht* / В. Г. Витцтум. Пер с нем., 2-е изд. – М.: Инфотропик Медиа. – 2015. С. 204.

¹⁸² Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации: монография / С. Ю. Марочкин – Москва: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://new.znaniium.com/catalog/product/995356>. С. 280–281.

¹⁸³ Данный принцип закреплен в абзаце 3 статьи 20 Основного закона ФРГ. См. также: Витцтум В.Г. Международное право: *Völkerrecht* / В. Г. Витцтум. Пер с нем., 2-е изд. – М.: Инфотропик Медиа. – 2015. С. 204.

¹⁸⁴ BVerfG, Beschluss des Zweiten Senats vom 14. Oktober 2004 – 2 BvR 1481/04. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bverfg.de>.

¹⁸⁵ Игнатенко Г.В., Тиунов О.И. Международное право: Учебник для вузов / Отв. ред. проф. Г. В. Игнатенко и проф. О. И. Тиунов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма. – 2005. С. 236–237.

правоприменительной деятельности¹⁸⁶. В-третьих, судебные решения могут включать в себя ссылки на международно-правовые нормы, которые в свою очередь имеют решающее значение при рассмотрении дела или же просто «оказывают помощь при обосновании»¹⁸⁷.

Анализ практики российских и немецких судов показал, что национальные суды активно применяют нормы международного права в своей деятельности. Как уже указывалось ранее, применение норм международного права может быть совместным, самостоятельным и приоритетным¹⁸⁸. Именно деление на формы применения было положено в основу проведенного нами анализа судебных актов, результаты которого представлены далее.

Для большинства судебных решений характерно совместное применение норм международного и национального права. Такое применение проявляется в ссылке на международный договор (1), использовании договора для толкования правовых категорий (2), аргументировании решения с помощью международных и национальных норм права (3).

Ссылка на международный договор осуществляется несколькими способами. Первый способ – простое перечисление норм национального и международного права. Например, суд использует следующую формулировку: «Исходя из положений ст. 46, ч. 1 ст. 50, ст. 55 Конституции РФ во взаимосвязи с положениями ст. 4 Протокола N 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 января 1950 года), произвольное

¹⁸⁶ Тихомиров Ю.А. Суверенитет в условиях глобализации / Ю. А. Тихомиров // Право и политика. – 2006. – № 11. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

¹⁸⁷ Терешкова В.В. Применение норм международного права в судебной системе Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / В. В. Терешкова. – Екатеринбург, 1998. С. 148.

¹⁸⁸ Терешкова В.В. Применение международных норм о защите прав человека национальными судебными органами / В. В. Терешкова // Современное состояние теории, законодательства и практики конституционного права зарубежных стран. УМК, Иркутск. – 2008. С. 177.

изменение правового режима для лица, в отношении которого вынесено окончательное постановление, невозможно»¹⁸⁹.

Второй способ – раскрытие содержания международно-правовой нормы. Так, в ряде дел о прекращении действия права на управление транспортными средствами ввиду наличия медицинского диагноза, препятствующего управлению, суды совершенно разных субъектов РФ ссылаются на международно-правовую норму следующим образом: «Положениями ст. 8 Конвенции о дорожном движении, заключенной в городе Вене 08 ноября 1968 года и ратифицированной Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 апреля 1974 года, установлено, что водитель должен обладать необходимыми физическими и психическими качествами и его физическое и умственное состояние должно позволять ему управлять транспортным средством»¹⁹⁰. Также судами используется такая формулировка: «Статьей 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод также гарантировано право на свободу мирных собраний»¹⁹¹.

Немецкие суды достаточно часто схожим методом ссылаются на положения международных договоров. К примеру, разрешая вопрос исполнимости решения суда иностранного государства на территории Германии, Высший земельный суд г. Кёльн в решении от 6 февраля 2014 года следующим образом ссылается на норму международного договора: «Из ст. 10 Парижской конвенции по охране промышленной собственности также не следует запрета конкуренции»¹⁹².

¹⁸⁹ Решение Октябрьского районного суда г. Уфы от 14.05.2018 г. по делу 12-709/2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rospravosudie.com>.

¹⁹⁰ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 16.10.2019 по делу № 33а-17619/2019, Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 28.02.2018 по делу № 33а-3020/2018, Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 21.02.2017 по делу № 33-1614/2017, Апелляционное определение Саратовского областного суда от 01.11.2016 N 33-7403/2016. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

¹⁹¹ Решение Красногорского городского суда Московской области от 08.05.2018 г. по делу 2а-3638/18. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rospravosudie.com>.

¹⁹² OLG Köln, Urteil vom 06. Februar 2014 – I-18 U 89/08. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.juris.de>.

Высший земельный суд по трудовым спорам земли Рейнланд-Пфальц при рассмотрении дела о выплате денежной компенсации в связи с серьезным нарушением прав личности в сфере трудовых отношений обращается к совокупности норм – абз. 1 ст. 2, абз. 1 ст. 1 Основного Закона ФРГ и абз. 1 ст. 8 ЕКПЧ – как правовой гарантии общих прав личности. И отмечает, что данные права подлежат соблюдению в сфере частных отношений, в особенности – в трудовых отношениях¹⁹³.

Как правило, ссылка на международно-правовую норму дается в начале мотивировочной части судебного решения. Затем следует ссылка на нормы национального права и дается аргументация решения. Подобным способом суды демонстрируют, что их позиция согласуется с нормами международного права, основывается на них.

Помимо этого национальные суды применяют нормы международного права для толкования правовых категорий при рассмотрении трудовых споров, разрешении вопросов о праве на жилище, правах несовершеннолетних, правах беженцев.

Ввиду того, что основные понятия трудового права закреплены в Конвенциях Международной организации труда (далее – МОТ), суды при рассмотрении трудовых споров довольно часто обращаются к их положениям. Анализ практики применения международно-правовых норм при рассмотрении трудовых споров проводился В. В. Терешковой еще в 1998 году¹⁹⁴. Пример из собственной практики научного руководителя подтверждает, что правильное применение норм международного договора обусловлено квалификацией судьи. Так, городской суд Ирбита Свердловской области, рассматривая дело о введении талонной системы оплаты труда работников завода АО «Уралмото», наряду с российским правом применил

¹⁹³ Landesarbeitsgericht Rheinland-Pfalz, Urteil vom 18. Juli 2017 – 8 Sa 411/15. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.juris.de>.

¹⁹⁴ Терешкова В.В. Применение международно-правовых норм при рассмотрении трудовых споров / В. В. Терешкова // Трудовые споры. Переводы. Увольнения. Охрана труда. Красноярск, ПИК Офсет, 1998. С 34-40.

положения части 1 статьи 3 Конвенции МОТ N 95, закрепляющей правило о выплате заработной платы наличными деньгами. Практика применения международно-правовых норм для толкования правовых категорий сформировалась уже в 1994 году¹⁹⁵ и активно используется по сегодняшний день. К примеру, для определения понятия «свободы труда» Мосгорсуд напрямую обращается к нормам международного права и указывает, что «свобода труда обеспечивается в том числе запретом принудительного труда, под которым согласно Конвенции Международной организации труда N 29 от 28 июня 1930 г. относительно принудительного или обязательного труда (ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1956 г.) понимается всякая работа или служба, требуемая от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания и для которой это лицо не предложило добровольно своих услуг (пункт 1 статьи 2 Конвенции)»¹⁹⁶.

При решении вопроса о том, являются ли действия работодателя по отношению к работнику дискриминацией, Центральный районный суд г. Красноярск обращается не только к положениям статьи 3 ТК РФ, но и к статье 1 Конвенции МОТ «Относительно дискриминации в области труда и занятий» 1958 г. Согласно данной международно-правовой норме дискриминация включает «всякое различие, исключение или предпочтение, основанные на признаках расы, цвета кожи, пола, религии, политических убеждений, национальной принадлежности или социального происхождения и имеющие своим результатом ликвидацию или нарушение равенства возможностей или обращения в области труда и занятий»¹⁹⁷. Таким образом, в международном договоре закреплены конкретные критерии, которые позволяют квалифицировать действия работодателя как дискриминацию или, наоборот, не признать их таковыми.

¹⁹⁵ Терешкова В.В. Применение международно-правовых норм при рассмотрении трудовых споров / В. В. Терешкова // Трудовые споры. Переводы. Увольнения. Охрана труда. Красноярск, ПИК Офсет, 1998. С 38.

¹⁹⁶ Апелляционное определение Московского городского суда от 14.10.2019 по делу № 33-39269/2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

¹⁹⁷ Решение Центрального районного суда г. Красноярск от 15.12.2016 г. по делу 2-5434/2016. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rospravosudie.com>.

Судам необходимо быть особенно внимательными при применении и толковании правовых категорий, получивших закрепление в ЕКПЧ. Такое толкование должно осуществляться в контексте решений ЕСПЧ¹⁹⁸, чтобы избежать возможных, пускай и косвенных, нарушений конвенционных положений¹⁹⁹.

Так, раскрывая понятие «семейной жизни» Свердловский областной суд использует следующие формулировки: «Семейная жизнь в понимании статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и прецедентной практики Европейского Суда по правам человека охватывает существование семейных связей как между супругами, так и между родителями и детьми, в том числе совершеннолетними, между другими родственниками»²⁰⁰.

Немецкие суды в таком случае довольно часто ссылаются на конкретные дела ЕСПЧ. К примеру, Административный суд г. Вюрцбурга, рассматривая вопрос о выдворении из Германии в Италию гражданки Нигерии и ее малолетнего ребенка, обращается напрямую к правовым позициям ЕСПЧ в деле «Тарахель против Швейцарии» (2014) и подчеркивает, что «необходимо различать здоровых беженцев, которые в состоянии работать, и ищущими убежище лицами, которые независимо от

¹⁹⁸ Терешкова В.В. Право на справедливое судебное разбирательство: аспекты международного и национального регулирования / В. В. Терешкова // Сравнительное правоведение: наука, методология, учебная дисциплина: в 2 ч. Ч. 1: материалы междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 25-26 сентября 2008 г. / Сиб. федер. ун-т, Юрид. ин-т. – Красноярск : ИПК СФУ. – 2008. С. 342. См. также: Витцтум В.Г. Международное право: Völkerrecht / В. Г. Витцтум. Пер с нем., 2-е изд. – М.: Инфотропик Медиа. – 2015. С. 205–206.

¹⁹⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 (ред. от 05.03.2013) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. П. 10.

²⁰⁰ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 14.11.2019 по делу № 33-19057/2019. См. также: Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.01.2020 № 88-809/2020 по делу № 2-18/2018. Апелляционное определение Московского городского суда от 22.01.2020 по делу № 33-967/2020. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

своей собственной воли и личных решений, могут оказаться в ситуации крайней материальной нужды»²⁰¹.

Высший административный суд г. Бремена, раскрывая понятие «частной жизни» по смыслу статьи 8 ЕКПЧ, отмечает, что частная жизнь охватывает всю совокупность социальных отношений между проживающими в стране иммигрантами и обществом, в котором они живут, ссылаясь на прецедентное дело ЕСПЧ «Юнер против Нидерландов» (2006)²⁰².

Таким образом, когда правовая категория закреплена в нормах международного права (конвенциях или судебных решениях), представляется необходимым в первую очередь обращаться к положениям международных норм и только после этого рассматривать вопрос в рамках национального права. Закрепляя в себе определенные признаки и критерии, норма международного права становится неким масштабом и ориентиром для применения норм национального права и обоснованного принятия решения по конкретному делу.

В тех случаях, когда правоотношение регулируется нормами национального и международного права, между которыми не возникает коллизии, такие нормы также применяются судами совместно. Основной сферой такого регулирования и применения являются налоговые отношения. При этом в налоговых делах применение норм международного права, как правило, носит обязательный характер и имеет решающее значение для дела, а не просто используется судами для усиления аргументации.

Так, для разрешения вопроса о законности применения льготной налоговой ставки в отношении кипрской компании, получающей дивиденды от контрагента из России, Арбитражный суд г. Москвы²⁰³ обращается к

²⁰¹ VG Würzburg, Urteil vom 07. Mai 2020 – W 8 K 20.30428. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www-juris-de>.

²⁰² Oberverwaltungsgericht der Freien Hansestadt Bremen, Urteil vom 12. März 2020 – 2 B 19/20. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www-juris-de>.

²⁰³ Решение Арбитражного суда города Москвы от 11.10.2017 по делу № А40-73573/2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

нормам Соглашения между Правительством РФ и Правительством Республики Кипр об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал, нормам Модельной налоговой конвенции в отношении доходов и капитала, а также к официальным комментариям ОЭСР к Модельной конвенции, подлежащим обязательному применению при толковании международных соглашений об избежании двойного налогообложения²⁰⁴. В результате такого комплексного применения суд принял решение на основе норм Налогового кодекса РФ и международных соглашений.

Арбитражный суд Уральского округа, рассматривая вопрос о том, по нормам какого законодательства формируется налоговая база и исчисляется налог на прибыль, когда российская компания осуществляет часть своей деятельности на территории Казахстана, анализирует положения Конвенции об устранении двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов на доход и капитал, заключенной между Правительством РФ и Правительством Республики Казахстан (1996). Проанализировав порядок устранения двойного налогообложения в соответствии с Конвенцией, суд обоснованно пришел к выводу, что формирование налоговой базы и исчисление суммы налогов осуществляется по национальному, т.е. российскому, законодательству²⁰⁵.

Исходя из такой же логики, немецкие суды непосредственно применяют положения Соглашений об избежании двойного налогообложения. Так, рассматривая вопрос о моменте получения дивидендов мажоритарным акционером польской компании, Финансовый суд г. Мюнстера применил статью 10 Соглашения об избежании двойного налогообложения между Германией и Польшей, согласно которой право на

²⁰⁴ Постановление Президиума ВАС РФ от 15.11.2011 N 8654/11 по делу № А27-7455/2010. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

²⁰⁵ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 28.09.2017 № Ф09-5009/17 по делу № А47-5983/2016. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

налогообложение принадлежит Германии, а зачет в Польше невозможен при отсутствии соответствующего (фактического) удержанного налога²⁰⁶.

Приведенные выше примеры – лишь небольшая часть из всего многообразия судебных решений, в основе которых лежит совместное применение норм международного и национального права. На наш взгляд, такой подход судов напрямую демонстрирует, каким образом разные правовые системы могут взаимодействовать друг с другом. Отметим, что при совместном применении норм международного и национального права судебное решение в первую очередь принимается на основе норм национального права, однако нормы международного права являются существенным дополнением решения, усиливая аргументацию и позицию суда.

Помимо совместного применения возможно самостоятельное применение норм международного права, когда в национальном регулировании есть явный пробел и его восполняют нормы международного права. В таком случае разрешение спора осуществляется без прямого участия норм национального права, достаточно лишь общей отсылки к нему (часть 4 статьи 15 Конституции РФ, абзац 2 статьи 59 Основного закона ФРГ), позволяющей применять нормы международного права для регулирования внутригосударственных отношений. Заметим, что данная форма применения является не столь распространенной как совместное применение.

Заслуживает внимания следующее судебное решение. Рассматривая вопрос о действительности на территории РФ водительского удостоверения иностранного гражданина, Балахтинский районный суд Красноярского края обратился к положениям Венской конвенции о дорожном движении (1968), в статье 41 которой определены критерии действительности национальных и международных водительских удостоверений. Государства-участницы

²⁰⁶ FG Münster, Urteil vom 17. Januar 2020 – 4 K 1526/16 E. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www-juris.de>.

Конвенции договорились, что признают любое национальное водительское удостоверение, соответствующее этим критериям и требованиям. Таким образом, при рассмотрении конкретного дела это имело решающее значение, национальное водительское удостоверение гражданина Германии было признано действительным на территории РФ²⁰⁷. Немецкие суды, в свою очередь, напрямую обращаются к Конвенции о дорожном движении при решении вопроса о признании регистрационных знаков на автомобилях из иностранных государств²⁰⁸.

В данном случае применение норм международного права имеет решающее значение для дела. Поэтому, когда национальное законодательство конкретно не регулирует какой-то вопрос, судам следует проявлять особую предусмотрительность и в обязательном порядке обращаться к нормам международного права.

Приоритетное применение норм международного права имеет место не только в случае возникновения коллизий с национальным правом, как это установлено частью 4 статьи 15 Конституции РФ. Суды также отдают предпочтение именно международному праву, когда оно гарантирует большую защиту прав и свобод по сравнению с национальным законодательством.

Показательным примером в данном случае является Решение Центрального районного суда г. Красноярска (2015), рассматривавшего дело об оспаривании решений УФМС о высылке гражданина Таджикистана за пределы РФ. Причиной высылки стало неоднократное нарушение административного законодательства: за время своего нахождения на территории РФ данный гражданин в течение года трижды привлекался к административной ответственности. Согласно п. 4 ст. 26 Федерального

²⁰⁷ Решение Балахтинского районного суда Красноярского края от 23.12.2015 по делу 12-88/2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rospravosudie.com>.

²⁰⁸ VG Stuttgart, Gerichtsbescheid vom 29. Januar 2015 – 8 K 4792/14, VG Köln, Urteil vom 12. Januar 2017 – 18 K 5857/16. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www-juris-de>.

закона от 15.08.1996 N 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» неоднократное привлечение к административной ответственности является основанием для неразрешения въезда на территорию РФ для иностранных граждан. Суд первой инстанции признал решение УФМС законным и обоснованным. Однако апелляционный суд обоснованно отметил, что решение принято без учета международных норм.

Лицо, в отношении которого был вынесен оспариваемый акт УФМС, состоит в браке с гражданкой РФ. В связи с чем суду первой инстанции необходимо было учесть положения статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, гарантирующей право каждого на уважение его личной и семейной жизни, а также невмешательство в осуществление этого права со стороны публичных властей. Также суд учел правовую позицию Конституционного Суда РФ по данному вопросу, изложенную в Определении от 02.03.2006 N 55-О (по жалобе гражданина Грузии Тодуа Кахабера на нарушение его прав п. 7 ст. 7 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»). Согласно данной позиции высылка за пределы страны должна быть оправдана крайней социальной необходимостью и соответствовать правомерной цели.

Таким образом, руководствуясь нормами международного права, суд пришел к выводу, что исполнение решения УФМС повлечет серьезное вмешательство в право заявителя на уважение семейной жизни. В связи с чем, на основании ч. 3 ст. 55 Конституции РФ и ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод оспариваемое решение УФМС было признано незаконным²⁰⁹.

Найти подобные примеры в практике немецких судов представляется практически невозможным, поскольку как доктрина, так и практика строго

²⁰⁹ Решение Центрального районного суда г. Красноярск от 08.09.2015 г. по делу 2-5679/2015 ~ М-3925/2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rospravosudie.com>.

следуют позиции, согласно которой Основной закон ФРГ защищает права немецких граждан лучше и качественнее, чем договоры наднациональных организаций международного уровня²¹⁰.

Приоритетное применение судами норм международного права характерно также для споров, вытекающих из сделок в рамках международного торгового оборота – купли-продажи, поставки, перевозки.

Так, Арбитражный суд Уральского округа разрешил спор о взыскании штрафа за нарушение продавцом из Италии условий контракта о сроках поставки, замене и ремонте товара, полностью основываясь на нормах международного права. Суд применил статьи 36, 58 и 59 Конвенцию ООН о международной купле-продаже товаров (1980), отдав тем самым предпочтение международно-правовому регулированию²¹¹.

Высший земельный суд г. Кобленц, рассматривая иск голландского производителя продуктов к немецкому поставщику о возмещении убытков в связи с поставкой некачественного глинозема, при исследовании обязанностей поставщика и его добросовестности в международной торговле по смыслу статьи 7 Конвенции ООН о международной купле-продаже товаров также применил приоритетно данный международный договор²¹².

Проведенный нами анализ показал, что все три формы непосредственного применения не только обсуждаются в доктрине, но и используются судами на практике. При этом на то, в какой форме будет применяться норма международного права, влияет не только степень урегулированности вопроса на национальном и международном уровне, но и характер рассматриваемых спорных отношений. Наличие иностранного элемента не является обязательным условием для применения норм

²¹⁰ Витцтум В.Г. Международное право: Völkerrecht / В. Г. Витцтум. Пер с нем., 2-е изд. – М.: Инфотропик Медиа. – 2015. С. 206–207.

²¹¹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 05.02.2019 № Ф09-9595/18 по делу № А47-10745/2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

²¹² OLG Koblenz, Urteil vom 24. Februar 2011 – 6 U 555/07. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www-juris.de>.

международного права. Обращение к нормам международного права возможно, и встречается довольно часто, в том числе и в спорах субъектов исключительно национального права.

§ 2. Влияние норм международного права на процессуальные аспекты

Нормы международного права не только используются судами для обоснования позиции, но и оказывают определенное влияние на сам процесс принятия решений и построение судебной аргументации. Анализ судебных решений позволил выявить некоторые тенденции.

Во-первых, использование судами правовых конструкций с использованием норм международного права.

Особенность немецкой юридической техники проявляется в следующем. Когда судом используется правовая категория, получившая закрепление в международном праве, то обязательно наряду с нормой национального права подлежит применению норма международного права, пускай и просто в виде ссылки. Например, используя правовую категорию «защита прав личности», судом тут же приводится совокупность норм, регулирующих данную категорию – абз. 1 ст. 1, абз. 1 ст. 2 Основного Закона ФРГ и ст. 8 ЕКПЧ. Используя правовую категорию «свобода выражения мнения», судом приводится следующая совокупность норм – абз. 1 ст. 5 Основного Закона ФРГ и ст. 10 ЕКПЧ²¹³. Правовую категорию «право на справедливое судебное разбирательство» сопровождает совокупность абз. 3 ст. 20 Основного Закона ФРГ и ст. 6 ЕКПЧ²¹⁴.

²¹³ OLG München, Beschluss vom 29. Juni 2015 – 18 U 11/15 Pre. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.juris.de>.

²¹⁴ AG Andernach, Beschluss vom 15. September 2017 – 2h OWi 131/17. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.juris.de>.

Некоторые российские суды используют похожую методику при обосновании международно-правовыми нормами возможность рассмотрения дела в отсутствие ответчика. Для этого суды ссылаются на ст. 6 ЕКПЧ²¹⁵, на ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, по смыслу которой лицо само определяет объем своих прав и обязанностей в гражданском процессе²¹⁶. Так, например, Таганрогский городской суд дополнительно подчеркнул, что рассмотрение дела в отсутствие ответчика не противоречит положениям ст. 6 ЕКПЧ и ст. 7, 8, 10 Всеобщей декларации прав человека²¹⁷. В целом обращение к статье 6 ЕКПЧ получило распространение в практике арбитражных судов²¹⁸.

Во-вторых, согласование позиции суда с нормами международного права посредством объяснения, почему в конкретном деле не подлежат применению те или иные международные нормы.

Так, рассматривая дело о прекращении опеки над въехавшим в Германию без сопровождения родителей беженцем из Алжирии, Сенат по семейным спорам Высшего земельного суда г. Карлсруэ разрешает вопрос о возможности применения положений Конвенции о статусе беженцев 1951 года к вопросу совершеннолетия. Суд пришел к выводу, что Конвенция о статусе беженцев не находит своего применения, поскольку абз. 1 ст. 12 Конвенции не регулирует данный вопрос²¹⁹.

Российские суды используют похожий подход. Рассматривая дело о привлечении к административной ответственности за управление

²¹⁵ Заочное решение Ленинского районного суда г. Иваново по делу 2-1430/2015 ~ М-953/2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rospravosudie.com>.

²¹⁶ Заочное решение Норильского городского суда от 07.05.2018 г. по делу 2-1291/2018 ~ М-1014/2018. Заочное решение Шарыповского городского суда от 10.05.2018 года по делу 2-382/2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rospravosudie.com>.

²¹⁷ Решение Таганрогского городского суда Ростовской области от 10.08.2016 по делу 2-2258. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rospravosudie.com>.

²¹⁸ Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.06.2020 года по делу А55-29186/2019. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-82363/2019-ГК от 25.03.2020 года по делу А40-237352/18. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ras.arbitr.ru>.

²¹⁹ OLG Karlsruhe, Beschluss vom 23. Juli 2015 – 5 WF 74/15. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.juris.de>.

транспортным средством без права управления по статье 12.7 КоАП РФ, Мосгорсуд отказал в удовлетворении требований гражданина Азербайджана, поскольку положения Конвенции о дорожном движении не применяются к лицам, постоянно проживающим на территории РФ. Тот факт, что водительское удостоверение соответствует предписаниям Приложения N 6 к Конвенции, не имеет значения для принятия решения²²⁰.

Подобные отсылки свидетельствуют о всестороннем исследовании судами норм национального и международного права в процессе разрешения спора. Судебные решения с аргументацией, основанной на нормах международного права, в целом выглядят более обоснованно.

Тем не менее, на практике суды нередко допускают ошибки при применении норм международного права. В. В. Терешкова обращает внимание на то, что судами не проводится надлежащая проверка применяемых норм – простого упоминания нормы международного права при этом недостаточно²²¹. И. И. Карандашов пишет, что у правоприменительных органов отсутствует понимание, «как, когда и почему следует непосредственно применять международные договоры»²²². Из-за этого применяются нормы, не отвечающие признакам самоисполнимости, или международные договоры, которые не вступили в силу и не являются обязательными для РФ. С. Ю. Марочкин отмечает случаи, когда суды применяют международные договоры, в которых РФ вообще не участвует²²³.

²²⁰ Решение Московского городского суда от 18.02.2019 по делу № 7-996/2019. См. также: Постановление Верховного Суда РФ от 27.12.2018 № 38-АД18-8. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

²²¹ Терешкова В.В. Применение норм международного права в судебной системе Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / В. В. Терешкова. – Екатеринбург, 1998. С. 114.

²²² Карандашов И.И. Непосредственное действие норм международных договоров в правовой системе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.10 / И. И. Карандашов. – Санкт-Петербург, 2013. С. 4.

²²³ Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации: монография / С. Ю. Марочкин – Москва: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://new.znaniium.com/catalog/product/995356>. С. 135–136.

Ф. Куниг также подчеркивает, что отсутствие единого подхода к применению делает решения судов непредсказуемыми²²⁴.

Безусловно, в процессе применения норм международного права перед судами встает непростая правовая задача. Необходимо найти подходящий международный акт, правильно установить содержание международной нормы и применить ее к конкретному правоотношению. От судей также ожидается «творческий подход»²²⁵ в процессе применения, поскольку вынесение обоснованных и законных решений зависит от надлежащего применения как национального, так и международного права²²⁶. Неправильное применение норм международного права является основанием для отмены судебного решения или его изменения судом высшей инстанции.

Ввиду того, что судам в процессе применения норм международного права отводится центральная роль и именно на них ложится ответственность за правильность принимаемых решений, очевидна необходимость в разработке рекомендаций по применению норм международного права.

Изначально важно понимать, что нормы международного права – самостоятельный правовой комплекс, их применение не может осуществляться по той же упрощенной автоматизированной схеме, что и применение норм национального права. Так, прежде чем применить международно-правовую норму необходимо оценить проблему с точки зрения национального законодательства и определить, в какой форме возможно применение норм международного права – совместной, самостоятельной или приоритетной²²⁷.

²²⁴ Витцтум В.Г. Международное право: *Völkerrecht* / В. Г. Витцтум. Пер с нем., 2-е изд. – М.: Инфотропик Медиа. – 2015. С. 206.

²²⁵ Терешкова В.В. Право на справедливое судебное разбирательство: аспекты международного и национального регулирования / В. В. Терешкова // Сравнительное правоведение: наука, методология, учебная дисциплина: в 2 ч. Ч. 1: материалы междунар. науч.-практ. конф., Красноярск, 25-26 сентября 2008 г. / Сиб. федер. ун-т, Юрид. ин-т. – Красноярск : ИПК СФУ. – 2008. С. 342.

²²⁶ Терешкова В.В. Применение норм международного права в судебной системе Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / В. В. Терешкова. – Екатеринбург, 1998. С. 179.

²²⁷ Терешкова В.В. Применение норм международного права в судебной системе Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / В. В. Терешкова. – Екатеринбург, 1998. С. 184.

Следующим шагом необходимо выбрать подходящий международный акт и оценить его с точки зрения условий непосредственного действия. Общие условия (действие принципа *pacta sunt servanda* и наличие общей отсылки внутреннего права к международному праву) при этом проверять в каждом конкретном случае не нужно. Их наличие не оспаривается, если внутри государства допускается действие международного права. В судебном решении представляется достаточным простого упоминания части 4 статьи 15 Конституции РФ и, при необходимости, нормы отраслевого законодательства.

По каждому конкретному международному акту важно проверить наличие специальных условий непосредственного действия: признала ли РФ обязательность исследуемого акта, вступил ли он в силу, был ли официально опубликован. Результаты этой проверки обязательно должны быть отражены в судебном решении.

После проверки условий непосредственного действия международного акта необходимо проверить его нормы, подлежащие применению в конкретном деле, на признаки самоисполнимости. Во-первых, международный договор должен содержать указание о применимости его норм к отношениям в сфере национального права. Во-вторых, подлежащая применению норма должна быть адресована физическим, юридическим лицам или органам государства. В-третьих, иметь ясный и определенный характер, т.е. не требовать дополнительной конкретизации.

На наш взгляд, ссылка на весь договор в целом с точки зрения теории непосредственного применения является необоснованной и некорректной. В судебном решении необходимо ссылаться на конкретную норму международного договора.

После столь тщательной проверки международного акта и его норм необходимо вернуться к национальному законодательству и разрешить

вопрос о соотношении норм международного и национального права по юридической силе²²⁸. Далее следует толкование норм международного права в контексте рассматриваемой проблемы и формулирование судебного решения, содержащего ссылки на международно-правовые нормы²²⁹.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что судьи компетентны в применении норм международного права. Это подтверждают проанализированные судебные решения, содержащие корректно сформулированную ссылку на нормы международного права, а также подробное обоснование приоритетного применения международного права.

Так, при рассмотрении дела о нарушении гражданином Армении режима пребывания в РФ Мосгорсуд обращается к положениям Договора о Евразийском экономическом союзе, используя следующие формулировки: «На основании п. 5 ст. 97 Договора о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) срок временного пребывания (проживания) трудящегося государства-члена и членов семьи на территории государства трудоустройства определяется сроком действия трудового или гражданско-правового договора, заключенного трудящимся государства-члена с работодателем или заказчиком работ (услуг). 10 октября 2014 года в городе Минске подписан Договор о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года. Данный Договор ратифицирован Российской Федерацией Федеральным законом Российской Федерации от 22 декабря 2014 г. N 420-ФЗ «О ратификации Договора о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года».

В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры

²²⁸ Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации: монография / С. Ю. Марочкин – Москва: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://new.znaniium.com/catalog/product/995356>. С. 273–276.

²²⁹ Терешкова В.В. Применение норм международного права в судебной системе Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / В. В. Терешкова. – Екатеринбург, 1998. С. 184.

Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора»²³⁰.

В данном случае суд корректно применил норму международного права, продемонстрировав анализ общих и специальных условий непосредственного действия международного договора для российской правовой системы. Отметим, что далее Мосгорсуд, рассматривая вопрос о правомерности административного выдворения, принял во внимание наличие зарегистрированного брака с гражданкой РФ и на основании статьи 8 ЕКПЧ отменил решение о выдворении.

Высший земельный суд земли Саксония-Анхальт при рассмотрении требования об оплате товара, предъявленного компанией-продавцом упаковочных материалов из Германии к компании-покупателю из Чехии, применил к отношениям положения Конвенции ООН о международной купле-продаже товаров (1980). Для обоснования выбора применимого права суд использовал следующую аргументационную схему: «В том случае, когда стороны не выбрали применимое к их отношениям право, последнее определяется в соответствии с Конвенцией ООН о международной купле-продаже товаров (*далее – Конвенция*). Эта Конвенция представляет собой единую основу материально-правового регулирования. Как Чехия, так и Германия являются государствами-участницами настоящего договора, что приводит к применению Конвенции в соответствии с пп. «а» ч. 1 ст. 1 Конвенции. Также согласно ст. 32 Вводного закона к Германскому гражданскому уложению предпосылки для зачета требований содержатся в материальном праве, применимом к спору. В данном случае это также

²³⁰ Решение Московского городского суда от 20.02.2020 по делу № 7-1873/2020. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

Конвенция»²³¹. Использование такой аргументационной последовательности является типичной для практики немецких судов²³².

Представляется, что следование приведенным выше рекомендациям позволит судам предотвратить возможные ошибки в процессе применения норм международного права, а также выработать единый механизм применения. Правильная и обоснованная практика применения норм международного права выведет суды на новый уровень правоприменительной деятельности, повысит степень аргументированности судебных решений, окажет положительное влияние на квалификацию судей, снизит риски отмены судебных решений вышестоящими инстанциями из-за неправильного применения норм материального права.

§ 3. Роль конституционных судов в обеспечении единообразной практики применения норм международного права

Особое влияние на практику применения национальными судами норм международного права оказывают конституционные суды. Для российской и немецкой правовой системы характерен подход, согласно которому при разрешении спорных моментов из сферы взаимодействия норм международного и национального права последнее, решающее слово остается за конституционным судом²³³.

Существование такого подхода объясняется тем, что по сравнению с международными судебными органами только конституционный суд

²³¹ Oberlandesgericht des Landes Sachsen-Anhalt, Urteil vom 24. April 2019 – 12 U 152/18. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.juris.de>.

²³² BGH, Urteil vom 07. Dezember 2017 – VII ZR 101/14 –, BGHZ 217, 103-119. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dejure.org>. Rn. 39. Thüringer Oberlandesgericht, Urteil vom 29. April 2015 – 2 U 179/14. OLG Düsseldorf, Urteil vom 28. Mai 2004 – I-17 U 20/02. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.juris.de>.

²³³ Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен: монография / В. Д. Зорькин – М.: Норма, 2013. С. 176. См. также: Ekardt F., Lessmann V. EuGH, EGMR und BVerfG: Die dritte Gewalt im transnationalen Mehrebenensystem. Kritische Justiz. 2006. Rn. 381 ff.

«осведомлен о национальных особенностях и специфике национального законодательства»²³⁴.

Единообразную практику применения норм международного права конституционные суды обеспечивают несколькими способами. В первую очередь они создают основу для непосредственного действия норм международного права в национальной правовой системе, осуществляя проверку международных договоров на их соответствие основному закону, признавая их действующими или недействующими для государства. Помимо этого конституционные суды сами в своей практике непосредственно применяют нормы международного права, тем самым подавая пример судам общей юрисдикции и ориентируя их на использование международных норм при рассмотрении споров.

В соответствии с пунктом «г» части 2 статьи 125 Конституции РФ, главой X Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее – ФКЗ о КС РФ) Конституционный суд РФ разрешает дела о соответствии Конституции не вступивших в силу международных договоров. Заявителями в данной категории дел являются законодательные и исполнительные органы, а также Верховный суд РФ. В том случае, если КС РФ признает международный договор или отдельные его положения не соответствующими Конституции РФ, международный договор не подлежит введению в действие и применению²³⁵.

Таким образом, КС РФ компетентен осуществлять предварительную проверку международных договоров и решать их «судьбу» в национальной правовой системе еще до вступления в силу. Конституционный суд

²³⁴ Бахов А.А. Гармонизация полномочий конституционных судов и международных судебных органов по защите прав и свобод человека и гражданина / А. А. Бахов // Вестник Омской юридической академии. – 2018. – № 3. С. 272–276.

²³⁵ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 28.12.2016) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. Ст. 91.

выступает в роли основного субъекта в процессе согласования национального и международного права²³⁶. Исследователи признают эту функцию суда одной из важнейших²³⁷, поскольку КС в данном случае представляет государство и национальную правовую систему в целом.

В отличие от КС РФ у Федерального конституционного суда Германии есть полномочие по проверке лишь уже вступивших в силу международных договоров. Данный процесс получил название верификационного (*Verifikationsverfahren*).

В порядке части 2 статьи 100 Основного закона ФРГ, подпункта 12 § 13, 83 и последующих Федерального закона о ФКС ФРГ Суд проверяет, является ли норма международного права составной частью правовой системы Федерации и порождает ли непосредственно права и обязанности для индивида. Инициатором проверки выступает судебный орган, который при разрешении дела применяет норму международного права и сомневается в том, что рассматриваемая норма относится к нормам международного права по смыслу статьи 25 Основного закона ФРГ. Причем такое обращение является обязанностью суда²³⁸. В противном случае действия суда будут рассматриваться как нарушение требований Основного закона (предложения 2 части 1 статьи 101) и послужат основанием для подачи конституционной жалобы²³⁹.

Обращение в Федеральный конституционный суд допустимо при условии, что решение, принятое ФКС ФРГ в верификационном процессе, имеет решающее значение для исхода дела, рассматриваемого в суде общей

²³⁶ Зорькин В.Д. Конституционный Суд России в европейском правовом поле / В. Д. Зорькин // Журнал российского права. – 2005. – № 3. С. 5.

²³⁷ Казаков Р.В. Национальное и международное право: проблемы взаимодействия / Р. В. Казаков // Вестник Екатеринбургского института. – 2016. – №4 (36). С. 98.

²³⁸ BVerfG, Beschluss des Zweiten Senats vom 8. März 2007 – 2 BvM 6/03. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bverfg.de>. Rn. 4.

²³⁹ Sauer H., Staatsrecht III, in: München, C.H. Beck, 4. Aufl. 2016. S. 95.

юрисдикции (*Entscheidungserheblichkeit*)²⁴⁰. Сам ФКС ФРГ обозначает это требование как неписанную предпосылку допустимости обращения²⁴¹.

При этом ФКС ФРГ подчеркивает, что решение, принятое в рамках верификационного процесса, носит лишь промежуточный характер. К компетенции конституционного суда не относится разрешение дела по существу и применение рассматриваемой спорной международно-правовой нормы к конкретной ситуации. Верификационный процесс не служит для того, чтобы объяснять абстрактные правовые вопросы или давать обратившемуся суду дополнительные материалы для размышления²⁴².

В немецкой доктрине отмечается особое значение верификационного процесса. По замечанию С. Талмона Федеральный конституционный суд выступает в роли «фильтра международного права». Суд не только определяет характер международной нормы, но и решает вопрос о ее принадлежности к немецкой правовой системе²⁴³. В случае противоречия Основному закону международная норма не станет частью правовой системы Германии.

Х. Зауер пишет, что верификационный процесс осуществляется в целях обеспечения единого применения судами спорных норм международного права²⁴⁴. Тем самым обеспечивается их соблюдение и правильное применение. Помимо этого верификационный процесс может служить толкованию и конкретизации международно-правовых норм²⁴⁵.

Конституционные суды не только осуществляют проверку международных договоров, но и достаточно активно ссылаются на нормы

²⁴⁰ BVerfG, Beschluss des Zweiten Senats vom 2. Februar 1999 – 2 BvM 1/98. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bverfg.de>. Rn. 10.

²⁴¹ BVerfG, Beschluss des Zweiten Senats vom 8. März 2007 – 2 BvM 6/03. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bverfg.de>. Rn. 4.

²⁴² BVerfG, Beschluss des Zweiten Senats vom 8. März 2007 – 2 BvM 6/03. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bverfg.de>. Rn. 4.

²⁴³ Talmon S., Die Grenzen der Anwendung des Völkerrechts im deutschen Recht, in: JZ 1/2013. S. 21.

²⁴⁴ Sauer H., Staatsrecht III, in: München, C.H. Beck, 4. Aufl. 2016. S. 95.

²⁴⁵ BVerfG, Beschluss der 1. Kammer des Zweiten Senats vom 30. Januar 2008 – 2 BvR 793/07. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bverfg.de>. Rn. 1–27.

международного права и решения международных судебных органов при разрешении вопросов соответствия норм национального законодательства основному закону страны. Такая деятельность служит «подспорьем» для применения норм международного права судами общей юрисдикции²⁴⁶.

Рассматривая дело о проверке конституционности части 1 статьи 127 и части 1 статьи 392 Трудового кодекса РФ, Конституционный суд РФ осуществил толкование права каждого на отдых в контексте норм международного права. Интересно отметить, что сначала КС РФ указал, что данное право гарантируется Конституцией РФ и уже после этого произвел анализ норм международного права – положений Всеобщей декларации прав человека, Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, Европейской социальной хартии и Конвенции МОТ № 132. В отношении двух последних международных договоров КС РФ уточнил дату и правовое основание их ратификации. Также КС РФ не просто сослался на конкретные нормы перечисленных международных актов, но и раскрыл их содержание. И только после этого обратился к положениям Трудового кодекса РФ²⁴⁷.

Федеральный конституционный суд, рассматривая вопрос о конституционности § 1600d Германского гражданского уложения (порядок установления отцовства), в заключительной части судебного решения ссылается на часть 1 статьи 8 ЕКПЧ и практику ЕСПЧ. Примечательно, но Суд указывает, что использование норм международного права не приведет к иному судебному решению, тем не менее, проводит их подробный анализ.

Так, ФКС ФРГ указывает на то, что право на уважение частной жизни по смыслу части 1 статьи 8 ЕКПЧ включает, в том числе, право на

²⁴⁶ Казаков Р.В. Национальное и международное право: проблемы взаимодействия / Р. В. Казаков // Вестник Екатеринбургского института. – 2016. – № 4 (36). С. 99.

²⁴⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.10.2018 № 38-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 127 и части первой статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М.В. Данилова, К.В. Кондакова и других». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

идентичность, к которому также относится право знать свое происхождение. Далее ФКС ФРГ анализирует следующие прецедентные дела ЕСПЧ: дело Каутцор против Германии (2012), дело Йегги против Швейцарии (2006), дело Одьевр против Франции (2003), дело Микулич против Хорватии (2002)²⁴⁸.

Исследователи отмечают, что столь подробный анализ является обычной практикой ФКС ФРГ²⁴⁹.

Таким образом, значение конституционных судов в процессе непосредственного применения нельзя недооценивать. Анализ судебной практики показал, что суды общей юрисдикции намерены активно применять нормы международного права для принятия решений по конкретным делам. Однако часто ввиду отсутствия единых рекомендаций (именно по механизму непосредственного применения) суды допускают ошибки, что приводит к отмене решений. Органы конституционного правосудия, в свою очередь, определяют основы действия международно-правовых норм в национальных правовых системах, а также демонстрируют национальным судам, как нужно применять нормы международного права. Эта деятельность важна как для международного права в целом, так и для внутренней судебной системы в частности.

²⁴⁸ BVerfG, Urteil des Ersten Senats vom 19. April 2016 – 1 BvR 3309/13. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bverfg.de>.

²⁴⁹ Ekardt F., Lessmann V. EuGH, EGMR und BVerfG: Die dritte Gewalt im transnationalen Mehrebenensystem. Kritische Justiz. 2006. Rn. 381 ff.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного в рамках магистерской диссертации исследования автор приходит к следующим выводам.

1. Взаимодействие международного и национального права носит объективный и взаимный характер. Несмотря на теории соотношения оба правопорядка зависят друг от друга. Наиболее развитые национальные правовые системы стремятся к большей интеграции и сотрудничеству с международным правом, которые, однако имеют определенные национальным правом границы и пределы. В то же время международное право реализуется посредством правоприменительной деятельности национальных органов. Частота и корректность применения нормы международного права характеризуют ее эффективность.

2. В международно-правовом контексте важнейшее назначение доктрины заключается в создании прочного теоретического фундамента открытости, положительного отношения к международному праву. При этом важно фокусироваться не на разнице в теориях, а на практических проблемах, возникающих в процессе реализации норм международного права. Именно доктрина способна разработать единый подход к непосредственному применению, предложить конкретные механизмы, модели и формулы, в дальнейшем подлежащие использованию на практике, при разрешении конкретных вопросов.

3. Положительным примером теоретической разработки является немецкий принцип приверженности международному праву (*Völkerrechtsfreundlichkeit*), который на сегодняшний день развивается как неписанный конституционный принцип и активно применяется на практике немецкими судами. В силу данного принципа все государственные органы обязаны следовать международному праву, по возможности не допускать нарушений международных обязательств ФРГ, а также осуществлять международно-правовое толкование положений немецкого законодательства.

Принцип приверженности международному праву возможно и необходимо интегрировать в российскую правовую систему, например, посредством практики Конституционного Суда РФ.

4. Формула непосредственного применения состоит из (1) условий непосредственного действия и (2) самоисполнимости нормы международного права.

Общие условия непосредственного действия: принцип *pacta sunt servanda*; общая отсылка национального права к международному праву.

Специальные условия непосредственного действия: признание обязательности международного договора; вступление договора в силу; его официальное опубликование.

На самоисполнимость нормы международного права указывают следующие факторы:

- в договоре содержится общее указание о применимости его норм к отношениям в сфере национального права;
- норма адресована физическим, юридическим лицам или органам государства;
- норма имеет ясный и определенный характер.

На данную формулу могут ориентироваться законодатель при разработке нормативного регулирования процесса непосредственного применения и судебные органы в процессе реализации норм международного права.

5. С точки зрения догмы права государственный суверенитет не может послужить препятствием непосредственному применению норм международного права. Участие государства в наднациональных организациях и делегирование им некоторых своих суверенных прав является не ограничением суверенитета, а его реализацией. Вопрос о государственном суверенитете может подниматься лишь до подписания международного договора – на той стадии, когда решается, на каких условиях заключать договор. После подписания, вступления в силу и

ратификации договора, его положения становятся обязательными для государства в силу самого договора, а также в силу принципа *pacta sunt servanda*.

Ссылка на государственный суверенитет при исполнении международного договора допустима лишь в исключительных случаях (статья 46 Венской конвенции о праве международных договоров).

6. Законным и допустимым является использование национальными судами доктрины *margin of appreciation* в процессе применения норм международного права. Данный инструмент выполняет двойную функцию: ограничивает ЕСПЧ, не позволяя Суду становиться четвертой инстанцией по отношению к национальным судебным органам, и дает государствам право на усмотрение в рамках Конвенции. При реализации одной международно-правовой нормы государства могут принимать разные, но одновременно законные решения.

Пределы усмотрения должны оставаться в границах международных обязательств и не могут использоваться как механизм злоупотребления правом для их неисполнения.

7. Для непосредственного применения международных норм обязательно закрепление в национальном праве общей отсылки к международному праву. Центральной нормой российского законодательства в данном контексте является часть 4 статьи 15 Конституции РФ, санкционирующая применение норм международного права в целях регулирования конкретных отношений внутри государства. Также на законодательном уровне в РФ признается деление норм международного права на самоисполнимые и несамоисполнимые (пункт 3 статьи 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»).

Общей отсылкой немецкого права к международному праву являются статья 25 Основного закона – для общепризнанных норм международного

права, и абзац 2 статьи 59 Основного закона – для международных договоров.

Конституционные положения не просто санкционируют действие международного права внутри государства. Они обязывают национальные суды к непосредственному применению международных норм, закрепляя его законодательную основу.

8. Непосредственное применение необходимо рассматривать как деятельность национальных судов по разрешению конкретных споров на основе норм международного права. Оно осуществляется в одной из трех форм:

- совместное применение норм международного и национального права;
- приоритетное применение норм международного права при возникновении коллизий с национальным правом;
- самостоятельное применение норм международного права при наличии пробела в национальном регулировании.

Несмотря на прямое закрепление в законодательстве приоритетного применения наиболее частой формой применения является совместное, выражающееся в ссылке на международный договор, использовании договора для толкования правовых категорий либо аргументировании решения с помощью норм международного и национального права.

Простого упоминания в судебном решении международного договора недостаточно. Применение норм международного права к отношениям, возникшим внутри государства, должно быть обоснованным, корректно оформленным и уместным.

9. Возникающие разногласия между международным и национальным правом разрешают конституционные суды посредством толкования положений конституции и проверки норм международного права на вопрос соответствия основному закону государства. Помимо этого конституционные суды применяют нормы международного права при принятии собственных постановлений. Деятельность конституционных судов

служит важнейшим ориентиром для судов общей юрисдикции в процессе применения норм международного права.

10. Законность и обоснованность принимаемых национальными судами решений зависит от полноты анализа и применения норм как национального, так и международного права. Для того, чтобы в государстве устоялся режим, максимально способствующий эффективному применению норм международного права, необходимо дополнительное регулирование данных процессов на законодательном уровне.

Подробная системная «легитимация» непосредственного применения и самоисполнимости позволит судам правильно и квалифицированно осуществлять возложенную на них обязанность по применению норм международного права, повысит качество судебной аргументации, избавит суды от сомнений о законности и обоснованности применения положений международных договоров вместо или наряду с нормами национального права. Использование судами законодательно установленных механизмов обеспечит единообразие и согласованность в практике применения норм международного права.

Список использованных источников

Нормативные правовые акты:

1. Abkommen über die Rechtsstellung der Flüchtlinge vom 28.07.1951. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.unhcr.org>.
2. Abkommen zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Republik Polen zur Vermeidung der Doppelbesteuerung auf dem Gebiet der Steuern vom Einkommen und vom Vermögen vom 14.05.2003. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.bundesfinanzministerium.de>.
3. Bundesverfassungsgerichtsgesetz: Gesetz vom 11.08.1993. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dejure.org>.
4. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB): Gesetz vom 18.08.1896. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gesetze-im-internet.de>.
5. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland vom 23.05.1949. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gesetze-im-internet.de>.
6. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета, N 67, 05.04.1995.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019, с изм. от 12.05.2020) // Справочная правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
8. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) // Справочная правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
9. Европейская социальная хартия, пересмотренная (принята в г. Страсбурге 03.05.1996) // Бюллетень международных договоров, 2010, N 4, апрель, с. 17 – 67.

10. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003160037>.

11. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 18.03.2020) // Справочная правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2020) // Справочная правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

13. Конвенция между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан об устранении двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов на доход и капитал (Заключена в г. Москве 18.10.1996) // Собрание законодательства РФ. 16 марта 1998 г. N 11. Ст. 1243.

14. Конвенция № 29 Международной организации труда (с изм. от 11.06.2014) «Относительно принудительного или обязательного труда» (принята в г. Женеве 28.06.1930 на 14-ой сессии Генеральной конференции МОТ) // Ведомости ВС СССР. 2 июля 1956 г. N 13. Ст. 279.

15. Конвенция № 95 Международной организации труда «Относительно защиты заработной платы» (принята в г. Женеве 01.07.1949) // Ведомости ВС СССР, 01.11.1961, N 44, ст. 447.

16. Конвенция № 111 Международной организации труда «Относительно дискриминации в области труда и занятий» (принята в г. Женеве 25.06.1958 на 42-ой сессии Генеральной конференции МОТ) // Ведомости ВС СССР. 1 ноября 1961 г. N 44. Ст. 448

17. Конвенция № 132 Международной организации труда «Об оплачиваемых отпусках (пересмотренная в 1970 году)» (принята в г. Женеве 24.06.1970 на 54-ой сессии Генеральной конференции МОТ) // Собрание законодательства РФ, 19.12.2011, N 51, ст. 7451.

18. Конвенция о дорожном движении (Заключена в г. Вене 08.11.1968) (с изм. от 23.09.2014) // Treaty Series. Volume 1732. – New York: United Nations, 1999, P. 522 – 587.

19. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // Собрание законодательства РФ, 08.01.2001, N 2, ст. 163.

20. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Заключена в г. Вене 11.04.1980) // Вестник ВАС РФ, N 1, 1994.

21. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Справочная правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

22. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР, 28.04.1976, N 17, ст. 291.

23. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом

пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР, 28.04.1976, N 17, ст. 291.

24. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 01.04.2020) // Справочная правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

25. Постановление Верховного Суда РФ от 27.12.2018 № 38-АД18-8 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

26. Постановление ЕСПЧ от 24.01.2017 «Дело «Хамтоху и Аксенчик (Khamtokhu and Aksenchik) против Российской Федерации» (жалобы N 60367/08 и 961/11) // Справочная правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

27. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

28. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

29. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.10.2018 № 38-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 127 и части первой статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М.В. Данилова, К.В. Кондакова и других» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

30. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

31. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 (ред. от 05.03.2013) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

32. Постановление Президиума ВАС РФ от 15.11.2011 № 8654/11 по делу № А27-7455/2010 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

33. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 8 февраля 2006 г. № 36-СФ «О докладе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2005 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

34. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Кипр об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал (Заключено в г. Никозии 05.12.1998) (ред. от 07.10.2010) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Справочная правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

35. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Справочная правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

36. Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «О международных договорах Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

37. Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ (ред. от 07.04.2020) «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

38. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

Судебная практика:

39. AG Andernach, Beschluss vom 15. September 2017 – 2h OWi 131/17. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.juris.de>.
40. BGH, Urteil vom 07. Dezember 2017 – VII ZR 101/14 –, BGHZ 217, 103-119. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dejure.org>.
41. BVerfG, Beschluss des Zweiten Senats vom 2. Februar 1999 – 2 BvM 1/98. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bverfg.de>.
42. BVerfG, Beschluss des Zweiten Senats vom 14. Oktober 2004 – 2 BvR 1481/04. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bverfg.de>.
43. BVerfG, Beschluss des Zweiten Senats vom 8. März 2007 – 2 BvM 6/03. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bverfg.de>.
44. BVerfG, Beschluss des Zweiten Senats vom 15. Dezember 2015 – 2 BvL 1/12. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bverfg.de>.
45. BVerfG, Beschluss der 1. Kammer des Zweiten Senats vom 30. Januar 2008 – 2 BvR 793/07. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bverfg.de>.
46. BVerfG, Urteil des Ersten Senats vom 19. April 2016 – 1 BvR 3309/13. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bverfg.de>.
47. FG Münster, Urteil vom 17. Januar 2020 – 4 K 1526/16 E. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.juris.de>.
48. Landesarbeitsgericht Rheinland-Pfalz, Urteil vom 18. Juli 2017 – 8 Sa 411/15. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.juris.de>.
49. Oberlandesgericht des Landes Sachsen-Anhalt, Urteil vom 24. April 2019 – 12 U 152/18. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.juris.de>.

50. OLG Düsseldorf, Urteil vom 28. Mai 2004 – I-17 U 20/02. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.juris.de>.
51. OLG Karlsruhe, Beschluss vom 23. Juli 2015 – 5 WF 74/15. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.juris.de>.
52. OLG Koblenz, Urteil vom 24. Februar 2011 – 6 U 555/07. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.juris.de>.
53. OLG Köln, Urteil vom 06. Februar 2014 – I-18 U 89/08. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.juris.de>.
54. OLG München, Beschluss vom 29. Juni 2015 – 18 U 11/15 Pre. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.juris.de>.
55. Oberverwaltungsgericht der Freien Hansestadt Bremen, Urteil vom 12. März 2020 – 2 B 19/20. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.juris.de>.
56. Thüringer Oberlandesgericht, Urteil vom 29. April 2015 – 2 U 179/14. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.juris.de>.
57. VG Köln, Urteil vom 12. Januar 2017 – 18 K 5857/16. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.juris.de>.
58. VG Stuttgart, Gerichtsbescheid vom 29. Januar 2015 – 8 K 4792/14. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.juris.de>.
59. VG Würzburg, Urteil vom 07. Mai 2020 – W 8 K 20.30428. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.juris.de>.
60. Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 28.02.2018 по делу № 33а-3020/2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

61. Апелляционное определение Московского городского суда от 14.10.2019 по делу № 33-39269/2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

62. Апелляционное определение Московского городского суда от 22.01.2020 по делу № 33-967/2020. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

63. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 21.02.2017 по делу № 33-1614/2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

64. Апелляционное определение Саратовского областного суда от 01.11.2016 № 33-7403/2016. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

65. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 16.10.2019 по делу № 33а-17619/2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

66. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 14.11.2019 по делу № 33-19057/2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

67. Заочное решение Ленинского районного суда г. Иваново по делу 2-1430/2015 ~ М-953/2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rospravosudie.com>.

68. Заочное решение Норильского городского суда от 07.05.2018 г. по делу 2-1291/2018 ~ М-1014/2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rospravosudie.com>.

69. Заочное решение Шарыповского городского суда от 10.05.2018 года по делу 2-382/2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rospravosudie.com>.

70. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.01.2020 № 88-809/2020 по делу № 2-18/2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

71. Решение Арбитражного суда города Москвы от 11.10.2017 по делу № А40-73573/2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

72. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 28.09.2017 № Ф09-5009/17 по делу № А47-5983/2016. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

73. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 05.02.2019 № Ф09-9595/18 по делу № А47-10745/2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

74. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда №09АП-82363/2019-ГК от 25.03.2020 года по делу А40-237352/18. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ras.arbitr.ru>.

75. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.06.2020 года по делу А55-29186/2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ras.arbitr.ru>.

76. Решение Балахтинского районного суда Красноярского края от 23.12.2015 по делу 12-88/2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rospravosudie.com>.

77. Решение Красногорского городского суда Московской области от 08.05.2018 г. по делу 2а-3638/18. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rospravosudie.com>.

78. Решение Московского городского суда от 18.02.2019 по делу № 7-996/2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

79. Решение Московского городского суда от 20.02.2020 по делу № 7-1873/2020. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

80. Решение Октябрьского районного суда г. Уфы от 14.05.2018 г. по делу 12-709/2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rospravosudie.com>.

81. Решение Таганрогского городского суда Ростовской области от 10.08.2016 по делу 2-2258. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rospravosudie.com>.

82. Решение Центрального районного суда г. Красноярска от 08.09.2015 г. по делу 2-5679/2015 ~ М-3925/2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rospravosudie.com>.

83. Решение Центрального районного суда г. Красноярска от 15.12.2016 г. по делу 2-5434/2016. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rospravosudie.com>.

Специальная литература:

84. Asche, J. Die Margin of Appreciation. Entwurf einer Dogmatik monokausaler richterlicher Zurückhaltung für den europäischen Menschenrechtsschutz. Heidelberg, 2018.

85. Buchs, G. Die unmittelbare Anwendbarkeit völkerrechtlicher Vertragsbestimmungen, in: Baden-Baden, Nomos-Verl.-Ges., 1. Aufl. 1993. – 113 S.

86. Callewaert, J. Is there a margin of appreciation in the application of Articles 2, 3 and 4 of the Convention? / J. Callewaert // Human Rights Law Journal. – 1998. – № 19. P. 6–9.

87. Ekardt, F., Lessmann, V. EuGH, EGMR und BVerfG: Die dritte Gewalt im transnationalen Mehrebenensystem. Kritische Justiz. 2006.
88. Greer, S. The margin of appreciation: interpretation and discretion under the European Court of Human Rights / S. Greer // Human Rights Files No. 17. Strasbourg, 2000. [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http://www.echr.coe.int/LibraryDocs/DG2/HRFILES/DG2-EN-HRFILES-17\(2000\).pdf](http://www.echr.coe.int/LibraryDocs/DG2/HRFILES/DG2-EN-HRFILES-17(2000).pdf).
89. Herdegen, M. Völkerrecht, 17. Aufl. 2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ebibliothek.beck.de>.
90. Hussner, M. Die Übernahme internationalen Rechts in die russische und deutsche Rechtsordnung, in: Stuttgart, Ibidem-Verl., 2005. – 160 S.
91. Nußberger, A. Das Völkerrecht, in: München, Beck, 2009. – 128 S.
92. Papadimitriu, G. Die Stellung der allgemeinen Regeln des Völkerrechts im innerstaatlichen Recht, in: Berlin, Duncker & Humblot, 1972. – 121 S.
93. Payandeh, M. Grenzen der Völkerrechtsfreundlichkeit, NJW 18/2016. S. 1279–1282.
94. Sauer, H. Staatsrecht III, in: München, C.H. Beck, 4. Aufl. 2016. – 234 S.
95. Schorkopf, F. Staatsrecht der internationalen Beziehungen, in: München, C.H. Beck, 2017. – 707 S.
96. Schroeder, W. Grundkurs Europarecht. 5. Aufl. 2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ebibliothek.beck.de>.
97. Schulte, H. Zur Übertragbarkeit der Margin-of-appreciation-Doktrin des EGMR auf die Rechtsprechung des EuGH im Bereich der Grundfreiheiten. 1. Aufl. 2018.

98. Schweitzer, M., Dederer, H.-G., Staatsrecht, Völkerrecht, Europarecht, in: Heidelberg, C.F. Müller, 11. Aufl. 2016. – 393 S.
99. Stern, K. Das Staatsrecht der Bundesrepublik Deutschland Band I, 2. Aufl. 1984.
100. Stern, K. Das Staatsrecht der Bundesrepublik Deutschland Band III, 1988.
101. Talmon, S. Die Grenzen der Anwendung des Völkerrechts im deutschen Recht, in: JZ 1/2013. – S. 12–21.
102. Tereshkova, V.V. The Meaning and Operation of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and the Judgments of the European Court of Human Rights in the Legal System of the Russian Federation. / V. V. Tereshkova // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 6. – 2017.
103. Van Ooyen, R. Chr. Die Staatstheorie des Bundesverfassungsgerichts und Europa. 7 Aufl. 2018. Nomos.
104. Will, M. Völkerrecht und nationales Recht, in: Juristische Ausbildung 2015 (11). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.juraexamen.info/wp-content/uploads/jura-2015-1164.pdf>.
105. Агешкина, Н.А. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах РФ». / Н. А. Агешкина // Подготовлен для «Консультант Плюс», 2013.
106. Баглай, М.В., Туманов, В.А. Малая энциклопедия конституционного права. М., 1998. С. 442–445.
107. Бахов, А.А. Гармонизация полномочий конституционных судов и международных судебных органов по защите прав и свобод человека и

гражданина / А. А. Бахов // Вестник Омской юридической академии. – 2018. – № 3. С. 272–276.

108. Витцтум, В.Г. Международное право: Völkerrecht / В. Г. Витцтум. Пер с нем., 2-е изд. – М.: Инфотропик Медиа. – 2015. – 992 с.

109. Галушко, Д.В. О суверенитете государства в международном праве / Д. В. Галушко // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2013. – № 1. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/pravo/2013/01/2013-01-37.pdf>.

110. Егоров, С.А. Международное право: Учебник / Отв. Ред. д.ю.н., проф. С. А. Егоров. – М.: Статут, 2016. – 848 с.

111. Зорькин, В.Д. Конституционный Суд России в европейском правовом поле / В. Д. Зорькин // Журнал российского права. – 2005. – № 3. С. 3–9.

112. Зорькин, В.Д. Право в условиях глобальных перемен: монография / В. Д. Зорькин – М.: Норма, 2013.

113. Зорькин, В.Д. Право силы и сила права / В. Д. Зорькин // Журнал конституционного правосудия. – 2015. – № 5. С. 1–12.

114. Игнатенко, Г.В., Тиунов, О.И. Международное право: Учебник для вузов / Отв. ред. проф. Г. В. Игнатенко и проф. О. И. Тиунов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма. – 2005. – 454 с.

115. Казаков, Р.В. Национальное и международное право: проблемы взаимодействия / Р. В. Казаков // Вестник Екатеринбургского института. – 2016. – № 4 (36).

116. Карандашов, И.И. Непосредственное действие норм международных договоров в правовой системе Российской Федерации:

автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.10 / И. И. Карандашов. – Санкт-Петербург, 2013. – 26 с.

117. Ковлер, А.И. «Моральный суверенитет» перед лицом «государственного суверенитета» в европейской системе защиты прав человека / А. И. Ковлер // Международное правосудие. – 2013. – № 3.

118. Красинский, В.В. Защита государственного суверенитета: монография / В. В. Красинский. – М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017.

119. Лукашук, И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/comm/5303>.

120. Лукашук, И.И. Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / И. И. Лукашук. Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Академ. правовой ун-т. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 432 с.

121. Лукашук, И.И. Современное право международных договоров: В 2 т. Заключение международных договоров. Том 1 / И. И. Лукашук // Волтерс Клувер – 2004.

122. Лукашук, И.И. Современное право международных договоров: В 2 т. Действие международных договоров. Том 2 / И. И. Лукашук // Волтерс Клувер – 2006.

123. Марочкин, С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации: монография / С. Ю. Марочкин – Москва: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://new.znaniium.com/catalog/product/995356>.

124. Машкова, Е.В., Виттмер, Ф.М. Особенности взаимоотношений между Европейским судом по правам человека и органами конституционного правосудия Германии и Австрии: сравнительно-правовой аспект / Е. В.

Машкова, Ф. М. Виттмер // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 12. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

125. Моисеев, А.А. Соотношение суверенитета и надгосударственности в современном международном праве (в контексте глобализации): автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.10 / А. А. Моисеев. – Москва, 2007.

126. Орехов, О.С. О пределах свободы усмотрения государств в практике Европейского суда по правам человека / О. С. Орехов. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-predelah-svobody-usmotreniya-gosudarstv-v-praktike-evropeyskogo-suda-po-pravam-cheloveka>.

127. Орехов, О.С. Свобода усмотрения государств как международно-правовая доктрина / О. С. Орехов // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 1.

128. Осминин, Б.И. Вопросы самоисполнимости международных договоров (на примере США, Нидерландов и России) / Б. И. Осминин // Журнал российского права. – 2012. – № 6. С. 80–90.

129. Осминин, Б.И. Международные договоры в российской правовой системе (к 20-летию Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации») / Б. И. Осминин // Журнал российского права. – 2015. – № 12. С. 126–139.

130. Осминин, Б.И. Приоритетное применение международных договоров в национальной правовой системе: условия и последствия / Б. И. Осминин // Журнал российского права. – 2017. – № 12. С. 160–173.

131. Сидоренко, А.И. Реализация доктрины поля усмотрения в практике Европейского суда по правам человека / А. И.

Сидоренко // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. – 2018. – № 1. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

132. Терешкова, В.В. Право на справедливое судебное разбирательство: аспекты международного и национального регулирования / В. В. Терешкова // Сравнительное правоведение: наука, методология, учебная дисциплина: в 2 ч. Ч. 1: материалы междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 25-26 сентября 2008 г. / Сиб. федер. ун-т, Юрид. ин-т. – Красноярск : ИПК СФУ. – 2008. С. 333–343.

133. Терешкова, В.В. Применение международно-правовых норм при рассмотрении трудовых споров / В. В. Терешкова // Трудовые споры. Переводы. Увольнения. Охрана труда. Красноярск, ПИК Офсет, 1998. С 34-40.

134. Терешкова, В.В. Применение международных норм о защите прав человека национальными судебными органами / В. В. Терешкова // Современное состояние теории, законодательства и практики конституционного права зарубежных стран. УМК, Иркутск. – 2008. С. 157–262.

135. Терешкова, В.В. Применение норм международного права в судебной системе Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / В. В. Терешкова. – Екатеринбург, 1998. – 229 с.

136. Тихомиров, Ю.А. Суверенитет в условиях глобализации / Ю. А. Тихомиров // Право и политика. – 2006. – № 11. [Электронный ресурс] – Режим доступа: – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

137. Швабе, Ю., Гайсслер, Т. Избранные решения Федерального Конституционного Суда Германии / Ю. Швабе, Т. Гайсслер – М.: Инфотропик Медиа. – 2018.

138. Яковлев, В., Абова, Т., Новоселова, Л., Гальперин, М., Степанов, Д., Будылин, С., Голубок, С. Правовые итоги – 2017 // Закон. – 2018. – № 1.

Иные источники:

139. BVerfG: Deutsche Gesetze dürfen völkerrechtlichen Verträgen widersprechen. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ebibliothek.beck.de>.

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Юридический институт
Кафедра международного права

УТВЕРЖДАЮ
Заведующая кафедрой
Т. Ю. Сидорова
инициалы, фамилия
« 01 » 06 2020 г.
подпись

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Непосредственное применение норм международного права судами России и

Германии

40.04.01. Юриспруденция

40.04.01.08 Deutsches und Russisches Recht / Немецкое и российское право

Научный
руководитель

подпись, дата
01.06.20

Доцент, к.ю.н.

должность, ученая степень

ЮЮ18-08М, № 161835441

номер группы, зачетной книжки

Профессор кафедры

международного и

европейского права

УрГЮУ, д.ю.н.

должность, ученая степень

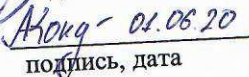
В.В. Терешкова

инициалы, фамилия

А.М. Кондратенко

инициалы, фамилия

Выпускник

подпись, дата
01.06.20

Рецензент

подпись, дата
22.06.20

Ю.С. Безбородов

инициалы, фамилия

Красноярск 2020 г.